

18+

СЕРГЕЙ РОССТАЛЬНОЙ

Междумирье. Врата Междумирья

КНИГА ПЕРВАЯ

Сергей Росстальной

**Междумирье. Врата
Междумирья. Книга первая**

«Издательские решения»

Росстальной С.

Междумирье. Врата Междумирья. Книга первая /
С. Росстальной — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835970-5

Василиса и Руслан живут в провинциальном Дубове. У Василисы есть двое маленьких племянников. И случилось так, что дети попали в лапы «ювенальной юстиции» — они были отобраны у родителей и определены в новые семьи. Руслан и Василиса пытаются спасти племянников. Но, вдруг, в дело вмешивается некая древняя организация спасателей — их разведчики похищают детей из детского дома, и прячут их в ином мире. Василиса и Руслан отправляются на поиски детей через древние Врата Междумирья.

ISBN 978-5-44-835970-5

© Росстальной С.
© Издательские решения

Содержание

МЕЖДУМИРЬЕ. ВРАТА МЕЖДУМИРЬЯ	6
Часть 1	7
Глава 1 Любопытство	7
Глава 2. Уже взрослые	14
Глава 3. Он и Она	21
Глава 4. Соединённые дождём	29
Глава 5 Система атакует	42
Глава 6. Похищение у похитителей	54
Глава 7 Служители древних Богов	66
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Междумирье. Врата Междумирья

Книга первая

Сергей Росстальной

© Сергей Росстальной, 2024

ISBN 978-5-4483-5970-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Междумирье – это не место и не время, это событие перехода из одного Мира в другой. Но простой человек из Мира Яви, попадая в это событие, своими чувствами воспринимает безразмерное пространство, наполненное сущностями миллиардов разных Миров.

Василиса и Руслан отправляются на поиски своих племянников, которые были вынуждены бежать в иные Миры, спасаясь от преследования «ювенальной юстиции». Используя древние Врата Междумирья, они попадают «за тридевять земель» (то есть, за пределы нашей Солнечной системы), в далёкий Мир звезды Мерцаны. Детей они нашли, но сами не смогли выжить в чужом Мире...

МЕЖДУМИРЬЕ. ВРАТА МЕЖДУМИРЬЯ

Часть 1

Глава 1 Любопытство

Это был один из лучших дней его жизни. Мир внешний и мир внутренний пришли к гармонии. Душа и сердце радовались окончанию жизни, попавшей в тупик, а тело ласкал лёгкий мороз. Солнечный свет, выходящий из высоких облаков, мягко заливал окружающий мир, делая его уютным и добрым.

День его казни был красив и спокоен. Он ещё подумал, что, наверное, не заслуживает такого хорошего дня для ухода из жизни. Но даже если бы его повели на лобное место хоть в дождь и ветер, хоть в злобную пургу, или свирепый зной, это не смогло бы изменить его высокого расположения духа. Ведь он смог сделать самое главное – спасти любимую свою! Ещё недавно он не знал этого, и страдал. Но тайна, раскрытая волхвом, всё изменила, и сделала его последние дни благими и умиротворёнными. Он уйдёт из жизни без вины и страданий по загубленной душе.

Вдалеке показался одиноко стоящий палач. Это конец пути, и у него теперь осталось только несколько минут предсмертной прогулки, но эти минуты растянулись на часы и дни, заполнившись воспоминаниями о жизни, прожитой не зря. С детства...

Славный город Дубов ранней весной такой же грязный, как и другие, подобные ему, малые города. Зима словно выворачивается наизнанку. Бурая земляная грязь и белые снега соседствуют рядом. Талая вода открывает все секреты долгой зимней жизни людского поселения, появляется в самых неожиданных местах ещё уцелевшего снежного покрова, и мочит ноги граждан там, где они этого не ожидают. А ручьи выносят напоказ всякую лёгкую мелочь, застрявшую в земле ещё с осени: окурки, листья, автобусные талоны... Из-под снега появляется и нечто более ценное – для юного жителя города Дубова, Руслана Хромова, это был металлолом.

Деньги нужны всем, особенно, подрастающему поколению. Руслан добывал их честно – собирал металлический лом, и сдавал его в одном частном приёмном пункте, что был на одной улице с его домом. Это занятие давало ему некоторую копейку, а так же, иногда, какую-нибудь ценную добычу, в виде металла для оружия. Руслан любил холодное оружие. Ещё с пятого класса он пытался мастерить мечи, арбалеты, шлемы, и кольчуги из чего придётся. Среди найденного металла порой попадались подходящие для этого детали. А деньги, полученные за сданный металлолом, он копил на электродрель. Из-за этого металлолома у Руслана был один привод в полицию, но только не из-за холодного оружия, а из-за железной ванны. Однажды зимой, он сам утащил целую ванну у кого-то со двора, решив, что она просто выброшена. До приёмного пункта он её не дотащил – его догнали полицейские. Ему тогда хорошо досталось, и от матери, и в школе.

Но с тех пор у Руслана появился напарник – вместе с ним за металлоломом стал ходить его школьный товарищ, Серёга Полков, по прозвищу Иванушка. Дело в том, что Иванушка начал курить, а где же ему взять деньги на сигареты?

У Серёги была одна беда: он был смешным. Трудно сказать, чем именно. Он был смешным, в общем и целом. Внешность его была вполне обычна, и ничего особенного в себе не имела: чуть русоватые, короткие волосы, светло карие глаза, небольшой нос, и уши как уши. Серёга чуть широковат в плечах, среднего роста, даже чуть выше Руслана. Если бы он просто стоял или сидел, ничего абсолютно не делая, он бы выглядел как все, то есть его бы и не заметили. Вся суть была в его неуловимой манере поведения. Вся совокупность его дви-

жений, жестов, мимики и голоса придавала ему какую-то карикатурность. Он с этим родился и почти никогда не мог это контролировать. Даже просто переводя взгляд, он умудрялся так двигать лицом, что на него уже обращали внимание. А если он совершал какие-то действия, то со стороны это было похоже на тихую панику, как будто он сейчас что-то уронит, разобьёт или порвёт, хотя всё завершалось вполне ладно. А если он здоровался в обществе или что-то говорил, то это почти всегда вызывало чью-то улыбку. На уроках учителя приспособились вызывать его отвечать всегда первым, что бы потом вызывать на ответ тех, кто громче всех смеялся. Смешной он был. Серёга всё это знал, по этому поводу особо не комплексовал, но всегда старался быть максимально серьёзным, от чего был ещё смешнее. За это он и прозвище Иванушка получил. Его так называл даже одноклассник Иван Борисов. А у Серёги-Иванушки, между прочим, и с чувством юмора было не очень хорошо. Он был серьёзен и вполне не глуп.

У Руслана созрела отважная идея, навеянная рассказами старшеклассников – наведаться в Дубовскую ракетную часть; говорят, там валяется уйма всякого железа и цветного металла. Пора расширять предприятие, и не мелочиться хищением чужих ванн «путём свободного доступа» (это из протокола полиции).

Руслан, конечно, взял с собой Иванушку. Иванушка, естественно, прихватил с собой сигареты с зажигалкой. Едва они отошли подальше от дома, как Иванушка пристроился за углом покосившегося забора и сунул сигарету в рот. Вторую предложил Руслану. Руслан отказался. Чтобы не смущать и так смущённого друга, он сказал, что уже пробовал, и не в восторге. Иванушка один раскурил свою сигарету, и когда убедился, что кашель его уже не душит, пошёл с Русланом дальше. Дымящую сигарету он теперь припрятывал под рукавом куртки, и только иногда быстро вскидывал, что бы сделать молниеносную затяжку. Надо сказать, что новая затея бедного Иванушки, не убавила, а прибавила ему ещё одну толику комичности. Пожалуй, он прав, таясь ото всех со своими сигаретами.

Юные металлоискатели достигли северной окраины города, прошли небольшой берёзовый лес, и оказались у высокого бетонного забора Дубовской воинской части.

– Ну, всё, Хромов, где металл? – спросил Иванушка.

Вокруг да около ничего, кроме дров, конечно, не наблюдалось.

– Хм... Металл, должно быть, там, – сказал Руслан, глядя в забор, словно он видит его насквозь и созерцает там горы стреляных гильз и разобранные на части танки.

Ещё в четвёртом классе их водили сюда на экскурсию. Военные показали школьникам кое-какую военную технику и старые разряженные ракеты. Показали свои казармы и столовую. Но ещё больше было того, чего они не показали. Многие ворота и двери для школьной экскурсии остались закрыты, и им даже не сказали, что там внутри.

Проникать на территорию воинской части ребята даже и не думали; они предполагали найти металлолом в её окрестностях. И они пошли вдоль забора, проваливаясь в мокрый снег, и спотыкаясь об старые упавшие ветки.

Поход уже мог оказаться безрезультатным, но, вдруг, они увидели клиновидную щель между двумя секциями забора, образовавшуюся в результате того, что одна из этих старых секций завалилась наружу. Руслан осторожно заглянул внутрь, а Иванушка спросил:

– Хромов, ты чего, туда лезть собрался?

– А тут ещё один забор, Иванушка, – ответил Руслан.

Да, за внешним забором, на расстоянии метров пять от него, был другой забор, такой же, бетонный, и ещё более старый. Между ними лежал рыхлый проваленный снег, из которого торчали стебли прошлогодней травы. И Тишина. Руслан осторожно пролез в щель, и оказался на пограничной территории.

– Иванушка, залазь, – позвал Руслан.

Иванушка залез. Но здесь тоже не было металла.

Собравшись с духом, они снова двинулись в том же направлении, но уже по внутренней стороне. Обогнули поворот, и продолжили свой путь дальше, вдоль забора, который извилисто уходил вдаль. Через большие щели между секциями (очень старый забор), хорошо были видны с той стороны высокие одинаковые холмы, покрытые дырявым бурым снегом, и больше ничего.

Вдруг они обнаружили перед собой железную ржавую дверь. На огромных замочных ушках замка не было, но висели куски колючей проволоки, которая, видимо, когда-то и выполняла задачу «замка» – ею дверь закручивали. Ребята подошли к двери справа, а с другой стороны, слева, к двери подходила хорошо, до грязи, протоптанная тропинка. Значит, люди здесь ходят оттуда, а ребята пришли с нехоженой стороны.

Руслан затаил дыхание и осторожно потянул дверь на себя. Она открылась с тихим шорохом. Две головы, вытянувшись, заглянули туда, и ребята увидели одни только эти холмы, высотой метров по десять. Их было много – за ближними холмами виднелись дальние. И Тишина. Хлюпнув сапогами в воде, Руслан переступил через металлический порог. Никого здесь нет. Иванушка зашёл тоже, и аккуратно прикрыл за собой дверь. Где же здесь этот, совсем не нужный военным, старый металл? Придётся прогуляться ещё дальше.

Пройдя между двумя холмами, ребята оказались на большой поляне, в кругу таких же одинаковых холмов. Здесь они обнаружили, что каждый холм со стороны, обращённой внутрь их круга, имел широкое нисходящее углубление, в котором, метра на два ниже уровня земли, имелись массивные железные двустворчатые двери.

– Подземные бункера! – тихо сказал Руслан, – Там, точно, ракеты!

– Или командный пункт, – сказал Иванушка.

Они подошли поближе к одной такой двери. Дверь закрыта наглухо. Она толстая, наверное, как танковая броня. На ней красная трафаретная надпись «Ц8».

– Всё, – сказал Иванушка, – здесь металла нет.

А Руслан, быстро осмотревшись, осторожно спустился к двери и, задрав шапку, приложил к ней ухо. Холодная мокрая дверь была беззвучна, и даже, наверное, звук поглощала, сотворяя вокруг себя гробовую тишину. Что же там может быть, за такими дверями?

Вдруг раздался, дребезжащий от волнения, пронзительный шёпот Иванушки:

– Хромов, сюда идут! Сваливаем!

Руслан тут же выскочил к Иванушке, и товарищ немедленно потащил его в сторону, видимо, пытаясь скрыться с глаз неведомых людей. Руслан испугано оглянулся кругом, но никого не увидел.

– Где?

– Идём, идём! – тащил его Иванушка, – Они там! – и он дёрнул головой в неопределённую сторону.

– Нас видели?

– Не знаю?

– Куда ты меня тащишь? Выходить надо!

– Так они там, откуда мы пришли.

– Чёрт!

И, вдруг, у них за спинами, появились двое военных в камуфляжных ватниках и сизых шапках-ушанках.

– Стой! – грубо крикнул один из них.

И ребята остановились, как вкопанные.

– Ты только не беги, а то стрелять будут, – умоляюще прошептал Иванушка.

Однако никакого оружия при военных не наблюдалось. Они, не спеша, подошли к ребятам. Один черноусый, другой толстощёкий.

– Что здесь делаете? Кто такие? – грозно спросил черноусый, – Где находитесь, знаете?

Иванушка только три раза кивнул на все три вопроса.

– Ты чего мне киваешь? – удивлённо уставился на него черноусый.

Руслан поспешно выдал ответы:

– Да мы случайно зашли... конечно... Школьники мы... ну, и здесь живём... гуляли. Мы уходить собиравались... это ж воинская часть.

– Как зашли? – надменно спросил толстощёкий.

– Там, – сказал Иванушка и указал пальцем в сторону их появления сквозь щель в заборе. При этом он стал похож на памятник Ленину, указующий, куда идти человечеству. Оба военных дружно уставились на него, осматривая с ног до головы. Иванушка был в своём репертуаре.

– Там в заборе дырка, – виновато добавил Руслан.

– Вот, чёрт! – с досадой сказал толстощёкий, – я знаю, что дырка... Хорошо, что пацаны. Гуляли, залезли... А если бы взрослые, знаешь, что было бы? Кто ещё с вами влез!? Ну!

– Никто больше! – воскликнул Руслан.

– Надо забрать до выяснения, – сказал черноусый, – Пошли!

– Пошли, – согласился другой.

И ребят молча повели куда-то дальше.

Они миновали весь участок с холмами-бункерами и прошли через железную дверь в очередном заборе. Там тоже было безлюдно, и стояли бетонные ангары без окон, только с воротами.

– Их надо пока куда-то спрятать, – буркнул толстощёкий, – это ж нам расстрел будет – проникновение на территорию, забор в таком состоянии...

– Как расстрел!? – испугался Иванушка.

– Да ладно! – отмахнулся рукой толстощёкий, – это я так говорю... Подставили вы нас, вот что!

– Давай их в хлам, – предложил черноусый, – туда никто не ходит.

– Ну, давай.

И они направились к определённомугу ангару. Черноусый набрал код на кнопках в глубоком окошке в стене. Раздался щелчок.

– Вот здесь хлам, – пояснил он, открывая дверь в воротах, – но ничего не трогать, ясно!?

– Ясно, ясно! – поспешно согласились оба задержанных.

Внутри был полумрак. Огромное внутреннее помещение освещалось только через четыре вентиляционных отверстия в высоком своде ангара.

– Вот здесь можете сидеть на этих ящиках, – сказал черноусый, – и ничего не трогать, а то без рук останетесь! И ещё: что бы вас тут не слышали! Понятно? Чихать в себя! Уйдёте отсюда после выяснения обстановки. А сейчас показывайте свои карманы. Обыск! Фото-видео техника, отмычки, радиоприборы... Есть?

Ребята растеряно молчали. Их карманы были обысканы, и ничего страшного в них военные не обнаружили. Потом военные вышли, осторожно прикрыв за собой дверь. Раздался щелчок – замок захлопнулся.

В рассеянном полусвете Руслан и Иванушка начали осматривать свою тюрьму. Помещение было квадратным, высотой с двухэтажный дом; от стены до стены было метров пятьдесят. Почти вся эта площадь была уставлена огромными фрагментами каких-то корпусов и механизмов. Части металлических оболочек имели округлые формы, из чего следовало, что это части самолётов или ракет. Однако многие формы были такие, что совершенно непонятно какими частями самолёта или ракеты они могут быть – из них скорее бы получилось что-то похожее на гигантский кувшин. Но, самое главное, что эти части не выглядели разобранными или разрезанными – они выглядели или разбившимися или взорванными! Рваные края и отломанные крепления говорили об этом.

– Хромов! Я понял! – тихо воскликнул Иванушка, помня о режиме тишины, – это обломки американских самолётов-шпионов, которые сбили наши ракетчики! Их здесь спрятали!

– Наверняка, Иванушка. Только на самолёты это не похоже – ни кабин, ни крыльев, ничего такого нет.

– И на фюзеляжи не похоже, – согласился Иванушка, – Может это уничтоженные космические спутники? У них-то крыльев и кабин точно нет.

– Да! Это космические аппараты, упавшие на землю! – с восхищением прошептал Руслан.

Они подошли к одному из фрагментов —к полусфере, метра три в поперечнике, и осторожно потрогали его руками. Поверхность металла выглядела тусклой, но не ржавой. С другой стороны эта полусфера оказалась, как бы расколота надвое. Явный признак катастрофы. Самый большой фрагмент, в длину метров пятнадцать, был похож на край выпуклого диска, шириною 3—4 метра. Осмелев, ребята начали ходить между обломками, пытаясь их рассматривать в слабом свете. По разнообразию размеров и металлов конструкций, было видно, что это обломки не одной машины, а нескольких. А толстый слой слежавшейся пыли говорил о том, что пребывают они здесь очень давно.

– Ну, вот и нашли металл, – сказал Иванушка, – попробуй теперь вынеси.

Наконец, ребята присели на ящики, которые им были предложены. Они их проверили – в ящиках ничего не было.

Шёл уже второй час их пленения, а за ними всё не приходили. Они пытались слушать сквозь ворота ангара, что там твориться снаружи, и слышали только звук капающей с крыши воды. Ребята начали волноваться. Бодрящий интерес к загадочным обломкам уже утих, ему на смену вернулась тревога за своё ближайшее будущее. Или про них забыли, или готовят какую-то незавидную участь.

– Нас могут посадить в колонию для малолетних, – шепнул Руслану Иванушка и рассеяно уставился на вентиляцию в потолке.

Руслана очень испугало такое допущение, учитывая один привод в полицию на его счету. Уж лучше бы про них просто забыли.

– Надо бежать... – сказал он Иванушке, и тоже стал осматривать высокий потолок.

А если они не смогут сбежать, а про них, действительно, забыли? И не докричишься! Тогда голодная смерть и два скелета в дополнение к обломкам космических кораблей. Нет, тогда уж лучше под суд, только бы забрали отсюда...

В полумраке, под потолком, они вдруг разглядели подъёмник на кран-балке. Его крюк свисал метра на два от потолка. Кран-балка тянулась от одной стены, над воротами, до противоположной стены. Такое подъёмное устройство должно приводиться в действие пультом внизу. Они обошли по периметру всё помещение, но пульта на стенах не нашли. А потом увидели, слева от ворот, торчащий из стены пучок проводов и четыре дырки от анкерных болтов – пульт был здесь, а теперь его нет.

– Ну и что? – сказал Иванушка, – А если бы он и был, всё равно, как бы мы выбрались?

– Очень просто, – ответил Руслан, – мы бы подвели эту штуку по этой рельсе к воротам, спустили крюк, и зацепили бы его за ворота, а потом – майна!

– Вира, – поправил Иванушка.

– В общем, дали бы вверх и сорвали ворота.

– Хорошо придумал, – грустно сказал Иванушка.

– Да уж... – подтвердил Руслан и подёргал торчащие провода.

Вдруг, яркий трескучий свет озарил весь ангар, а стена, перед которой стоял Руслан, подпрыгнула, и со всего размаху ударила его прямо в лицо. Под страшный крик Иванушки Руслан полетел от стены, как мячик, теряя в полёте сознание...

Он очнулся с болью в спине и затылке. Он лежал, а над ним светился люк вентиляции в потолке, словно луна в ночи. Рядом с этим он увидел бледное и потерянное лицо Иванушки, присевшего над ним. Иванушка тряс его, толкая в грудь.

– Хромов, Хромов, ты живой! Давай, живи, ты живой! Хромов, ты совсем дурак – провода же под напряжением!

– О-ой... – простонал Руслан. Теперь он почувствовал, как саднит всю левую часть лица.

– Хромов, так же нельзя – за провода дёргать!

– О-ой... Иванушка... Меня стенка ударила... прямо в морду...

– Хромов, ты бы видел: тебя так дёрнуло, что ты сам башкой в стенку ударился.

Руслан попытался встать. Его руки тряслись. Иванушка помог ему сесть. Руслан увидел эту стену прямо перед собой, а ведь ему казалось, что он улетает через весь ангар. Провода, торчащие из стены, дымились. Воняло горелой изоляцией и табачным дымом.

– Там два провода вместе сплавилась, и горели, пока не отгорели. А пока они горели, на подъёмнике задний ход работал, пока он в стенку не упёрся, – пояснял Иванушка взволнованным голосом.

Руслан, наконец, встал. Иванушка показал ему подъёмник, который действительно, уехал от ворот до конца кран-балки.

– Значит, это была кнопка «туда», – сделал вывод Иванушка.

Руслан пока был не в состоянии делать выводы.

– Другой провод какой-то, это будет кнопка «сюда», – продолжал Иванушка, – его только найти надо.

– Как? – буркнул Руслан.

– Так же, как ты нашёл кнопку «туда», а потом можно найти «вверх» и «вниз».

– Сам, – коротко ответил Руслан.

Дрожа, как лист осинный, Иванушка начал пробовать, одной рукой, замыкать пары проводов. Ничего не работало и даже не искрило. Он перебрал уже все провода. К этому времени Руслан существенно пришёл в себя.

– Иванушка, послушай, – сказал он, – там те два провода, которые меня шарахнули – один из них должен быть общий. Пробуй замыкать другие провода на одного из них, понял?

– Понял, – выдохнул Иванушка, и, втянув голову в плечи, подвёл провод к первым обгоревшим.

Треснула, как выстрел, ослепительная вспышка, а подъёмник ржаво твякнул под потолком.

– Сработало что-то! – воскликнул Руслан.

– Да я понял, – сказал Иванушка, – только что?

Уже смелее, он решительно сильно прижал тот же провод к другому проводу, и, после короткой вспышки, не отпуская. Подъёмник заскрежетал, и его крюк пополз вниз. Иванушка сдёрнул провод, и крюк остановился.

– Вот, нашли кнопку вниз, – обрадовано сказал он, – отметить надо.

Что бы отметить, он отогнул этот провод, соответственно, вниз. Таким же образом смелый Иванушка нашёл провода от кнопки вверх.

– Ну, тогда поехали, – сказал Иванушка.

Он замкнул два нужных провода, и подъёмник пополз к воротам. По пути он спотыкался и останавливался, с трудом преодолевая застарелый мусор, скопившийся на кран-балке, но, наконец, оказался над целью – над воротами. Переведя дух, Иванушка замкнул цепь «вниз». Большой ржавый крюк на цепи спустился к их ногам. Теперь за работу взялся Руслан: он зацепил этот крюк за мощную внутреннюю ручку, на совесть приваренную к той воротине, которая закрывается первой.

– А теперь, поднимай, – сказал Руслан, отбегая от ворот.

Иванушка решительно замкнул цепь «вверх». Жажда свободы придавала смелости. Сноп искр, и цепь поползла вверх. Она дёрнулась, натянулась, и ворота начали скрежетать и позвякивать. Сверху глухо гудел перенапряжённый двигатель. У Иванушки сорвалась рука, и двигатель замолк. Но он снова замкнул провода, и снова загудел двигатель, и дёрнулась цепь. Снова скрежет ворот, а потом, вдруг, они громыхнули железным гудящим громом и заметно дёрнулись. Тут же между двумя створками возник дугообразный просвет – это выгнулась поддетая ворютина, и сдёрнулась вверх. Скрежет и гром слились вместе. Яркий свет прорвался в образовавшуюся щель. А потом та же ворютина медленно качнулась наружу, загрохотала, и спала вниз, так, что пол под ногами задрожал.

– Иванушка, она с петель слетела! – крикнул Руслан, – теперь вниз сдавай!

Иванушка перевёл дух и начал разбираться, где здесь отмечен «вниз». Нашёл. Когда он замкнул эти провода, ворютина очень быстро пошла вниз и легла снаружи на асфальт с хрустом и гулом. Хотя было уже пасмурно, и дело к вечеру, свет для ребят был очень ярким. Свобода сияла как бриллиант. Некоторое время они стояли молча, потрясённые своим деянием, а потом осторожно выглянули наружу. По-прежнему, ни одной живой души. Ни слова не говоря, они выскочили наружу, и побежали туда, откуда их привели военные. Они миновали участок холмов-бункеров и добежали до той самой двери в заборе, через которую вошли. Теперь дверь была «заперта» на колючую проволоку. Они её быстро размотали и выскочили в контрольную полосу между двумя заборами. Вскоре ребята нашли ту щель, через которую они проникли на режимный объект и выскользнули через неё наружу, в гражданский мир.

Черноусый и толстощёкий вернулись за ребятами в шестом часу вечера. То, что они увидели, испортило их здоровье на много лет вперёд. Первым побуждением было бежать объявлять боевую тревогу. Но у черноусого при себе было табельное оружие, и он рискнул разобратся с этим самостоятельно. Сразу войти внутрь ангара они побоялись, дабы не столкнуться с той неизвестной чудовищной силой, которая свергла эти железные ворота. Когда же они осознали, что терять уже нечего, и они всё равно приговорены к жестоким неприятностям, оба вошли внутрь, готовые увидеть самое страшное – неживых мальчиков. Но мальчиков внутри не было, а был спущенный крюк подъёмника, зацепленный за створку ворот. Оба служивых поняли, как их замечательно обвели вокруг пальца. Да ещё и оторвали и утащили пульт подъёмника – одни провода торчат...

Толстощёкий в таких ситуациях всегда орал: «Будь проклят тот день, когда я поступил в это чёртово военное училище!» Но сейчас он молчал. Мощные слова, которые имелись в его лексиконе, были не способны выразить его возмущение и потрясение.

Глава 2. Уже взрослые

Пережитая СМерть многому её научила. Это был некий неосознанный опыт, который теперь придавал ей смелость, решительность и мудрость, избавлял от посторонних ложных страхов. Четвёртые сутки она, одна, ждала в лесу, и ни разу не испытала страха.

В эту ночь она снова сидела у костра. Весь окружающий мир был под контролем её сознания. И, задремав, она сразу очнулась, когда поблизости что-то появилось. Она встала, и тихо вышла из света костра, чтобы видеть в темноте. И она увидела сразу – В кругу света возникла полупрозрачная человеческая фигура. Это был он, только он! От радости, она еле сдерживала своё сердце! Она вышла навстречу призраку, и он повернулся к ней.

Она уже познала на себе, что потрясение от пережитой СМерти, и новое обретение тела, сделает его, на время, беспомощным. Она здесь, чтобы помочь ему выбраться. Он ещё не понимал её слова, но понял её жест, и сел у костра. Она увидела, что он уже отбрасывает слабую тень. Значит, до завершения его СМерти осталось несколько часов, утром у него уже будет полноценное тело. И тогда он почувствует холод. Для этого она взяла с собой тёплые вещи.

Они сидят вместе, молча... Он ещё призрак, и она боится спугнуть вновь обретенное счастье. Сейчас он заново привыкает к родному миру, и вспоминает его. И она, вдруг, начала тихо рассказывать ему, как они встретились, когда-то, снова...

В городе Дубове у молодых людей две честные дороги: в металлургический техникум, или уехать куда-нибудь, строить свою жизнь. Руслану сложно было на что-то решиться, и он остался в школе – после восьмого класса перешёл в девятый. Теперь впереди ещё два года на размышления. А вот Серёга Полков решил в техникум пойти. С этого времени их пути разошлись. Серёгин дом снесли, поскольку в этом месте теперь проложили новую теплотрассу, а его семье дали новую квартиру в другой части города. Так они перестали видеться.

Спустя два года, окончив школу с твёрдыми четвёрками, Руслан попытался поступить в Екатеринбургский университет, но не прошёл. В итоге ему пришлось идти учиться в тот же Дубовский металлургический, где уже третий год учился Иванушка. Только Руслан, как выпускник десятого класса, мог сразу идти на второй курс.

К его удивлению, Иванушка в техникуме уже не учился. Оказывается, Серёга Полков, бог весть по какой причине, забросил учёбу и был исключён за неуспеваемость. После этого его забрали в армию, где он сейчас и пребывал. Ещё спустя полтора года, случайно встретив одноклассницу, Руслан узнал от неё поразительную весть: Иванушка сидит в тюрьме! Где он служил, неизвестно, но там он с кем-то спутался, и сразу после дембеля влез в какое-то криминальное дело, говорят, с наркотиками. Обдумав информацию, одноклассники пришли к выводу, что Иванушку просто использовали и подставили. Вот те и на – от суммы и от тюрьмы не зарекайся. Руслан вспомнил, как они с ним томились в ангаре Дубовской ракетной части, и Иванушка тогда ещё сказал: «Нас в колонию засадить могут...» Вот, напророчил.

Осень, по воздуху тянутся ниточки паутинок. Руслан, наконец, закончил делать арбалет и выбрался в лесную чащу, испытать его на дальноточность. Оружие получилось серьёзное: блочная натяжка тетивы, дуги из автомобильной рессоры – доска забора пробивалась почти полностью. Осталось выяснить прицельную дальность стрельбы.

С Русланом на стрельбы отправился его друг-однокурсник Андрей Заяц. Он помогал Руслану мастерить арбалет, так же, как Руслан помогал Заяцу строить раскладную лодку. Заяц заядлый рыбак, и, рано или поздно, он должен был загореться идеей смастерить собственное плавсредство для рыбалки на озёрах. Он отыскал чертёж разборной лодки и взялся за дело.

С Русланом они сошлись с первых дней учёбы не столько интересами, сколько интеллектами. Руслан был абсолютно равнодушен к рыбалке, но уровень задачи по строительству лодки своими руками его очень привлёк. И лодка была создана совместными усилиями. Так же появился и арбалет. В общем, парни были с руками и головами.

Стреляя из арбалета в ствол дерева, они потеряли два болта (это арбалетные стрелы).

– Кучность боя не ахти, – с сожалением сказал Руслан.

– Направляющая – не то, прямизны нет, – сказал Заяц.

– Дерево не подходящее – сосна, – согласился Руслан, – на сосне прямой паз не получится. Надо доставать бук или граб.

– Берёза подойдёт? – спросил Заяц.

– Наверное. А дуб – нет. Пошли, болты поищем.

Они зашли в лесную гущу, куда улетели два болта. Скоро он поняли, что цель надо было выбирать на открытой местности, а не перед лесными зарослями. Болты исчезли бесследно в траве и кустах. Торчащие ветки и еловые лапы не давали толком осмотреться.

– Сейчас торчат где-то в земле и смеются над нами, – сказал Руслан, – да, Андрюха?

– Ага, слышу смех, – ответил Заяц.

Заяц ушёл вперёд, предполагая, что болты улетели дальше, чем показалось. Вскоре из кустов раздался его голос:

– Рус, иди сюда, тебе сюрприз!

– Чего там? Нашёл?

– Рус, тебе жена нужна?

– Какая жена? – удивился Руслан.

– Ну как, какая – красивая, умная, любимая – царевна-лягушка! В болото, Рус, твои болты улетели!

И Руслан увидел перед собой небольшую топь в лесной низине, которую трудно назвать настоящим болотом, но арбалетные болты в этой огромной луже наверняка найти невозможно.

– Ты подожди тут немного, и женихом станешь, – продолжал прикалываться Заяц, – сейчас такая жаба вылезет и вернёт тебе твой болт – ты же выстрелил. Вернёт, гм, за поцелуй. Ты уж не побрезгуй, Рус, зато такую красавицу получишь!

– Могу тебе уступить, – хмыкнул Руслан.

– Да ладно, у меня Светка есть.

Светлана была предметом гордости Андрея Зайца – маленькая девушка скромной красоты.

– Ну что, лягушку ждать будем? – спросил Заяц.

– Да какая там лягушка... Пропали наши болты. Я и не думал, что здесь такое болото найти можно.

– Ну, имей в виду, тогда лягушка сама к тебе явится. Болт же надо отдать. А она так одинока, бедняжка! Ха-ха! Так что явится обязательно. Ждала тут, ждала... Ты ж меня потом познакомь, а?

– Пошли! Постреляем. Болты ещё есть.

Руслан мастерил оружие увлечённо и основательно. До арбалета он уже сделал себе самую настоящую кольчугу, и смастерил железную латную перчатку на левую руку. Теперь надо сделать такую-же на правую руку. Вместе с тем он взялся за изготовление меча из автомобильной рессоры. Знакомый товарищ с завода эту рессору разогрел в электропечи и выпрямил, а потом опять закалил. Теперь предстоит долго возиться с клинком, доводя его до остроты и красоты. Андрей Заяц предложил сделать гарпун, и охотиться на крупную рыбу. Рыбак, что там говорить. Они с ним по три раза в неделю ходят в «качалку» – и рыбаку и оружейнику нужна сила.

– И каким боком вы такие правильные? – удивлялась бабушка Зайца, – Другие курят да пиво сосут на лавочках, а не в спортзал бегают. А чего ж им не курить да не пить, если сами

девки им пример подают – ногу на ногу задерёт и дымит, а сама хи-хи да ха-ха. Вот попадутся вам такие девки, испортят вас враз, не дай бог!

– Бабуль, что ж ты на Светку туман гонишь! – возмутился Заяц.

– А-а... Сейчас Светка есть, потом Светки нет... Знаю я. Жаль мне вас – на самом-то деле и выбрать не из кого. Светлана, конечно, хороша, но другой такой точно не будет, если вдруг что.

Наверное, Валентина Петровна намекала на немного вредный Андрюхин характер с его склонностью подтрунивать над близкими людьми.

Последний год учёбы для таких головастых парней, как Рус и Заяц, был лёгким: только практика и написание дипломного проекта. Для кого-то это изнурительное мучение, а для них наоборот – масса свободного времени. Хорошо усвоенные знания легко реализовывались в «дипломе». Больше всего времени занимали только чертежи, но если делать даже всего по одному чертежу в неделю, то к защите с ними можно управиться с лихвой. При таком положении Руслан больше занимался своим оружием, а Заяц выгуливался со Светланой. Так, легко и в своё удовольствие, они пережили зиму.

С начала весны у их однокурсников началась академическая паника – надо «диплом», оказывается, дописывать! Все, конечно, начали искать, у кого бы «списать». Что касается чертежей, то это была главная катастрофа всех студентов, особенно девушек, которые, бог весть, что делали в металлургическом техникуме.

– На кой чёрт он вам нужен? – говорил им, обычно, завотделением, – всё равно замуж за генерала выйдете. Надо в городе какое-нибудь швейное училище открывать...

Однокурсницы обращались больше к Руслану с просьбой сделать им чертёж заданной детали или приспособления. Прямо очередь выстроилась. Заяц артистично изображал завистливое лицо и толкал Руслана в бок:

– Ну-у-у, Рус, это твой шанс! Пальчики оближешь! Не упусти! Ни одну!

Девушки сдавали Руслану исходный материал, и, сердечно поблагодарив, убежали дальше писать «горящий» диплом. Конечно, если бы Руслан приглашал их на чашку чаю, что бы отдать готовую работу, они бы соглашались, и даже никуда бы не торопились; но Руслан жил вместе с матерью, и ему категорически не хотелось общаться с девушкой на глазах у родительницы. Наградой за выполненную работу, обычно, была пара мягких поцелуев от однокурсницы в обе щеки. Кроме девушек из своей группы у него ещё была клиентка из параллельной группы, с которой он позволил себе обойтись свободнее, чем с другими: вернул ей «сдачу» с двух поцелуев – поцеловал в ответ в губы. Барышня осталась довольна. Но, чёрт возьми, об этом на следующий день уже знали все.

В начале весны, благодаря взаимовыручке, почти у всех студентов в группе дипломный материал был готов. Впереди была только защита. Лучший враг любого экзамена – это паника и спешка. Перед защитой своих трудов лучше расслабиться и успокоиться. Небольшая компания однокурсников Руслана и Зайца, парни и девушки, решили так и поступить – отложить учебники, и отпраздновать восьмое марта. Правда, на календаре уже было десятое апреля, но зато никто посторонний больше не побеспокоит девушек, и, к тому же, это было воскресенье. Состав девушек был такой: Марина, Нина и Алина – рифмуются; а с ними ещё Шурик Соловьёв, который близко и душевно дружил с Ниной с самого первого курса. Эта дружба особенно сильно мешала Нине и Шурику готовиться к защите дипломной работы, поэтому они оба свои чертежи заказывали у Руслана. За эту услугу Шурик принёс Руслану ещё одну автомобильную рессору, которая валялась у него в гараже. Ну, и естественно, с Зайцем была Светлана.

Собрались у Зайца, с утра. Началась весёлая подготовка к студенческому банкету. Девушки готовили салаты. Шурик был послан за безалкогольным пивом и напитками. А глав-

ной идеей Руслана и Зайца был шашлык, который будет зажарен на вишнёвых дровах, имевшихся у Зайца в запасе. Мясо было замариновано заранее, но в последний момент, как водится, был узан главный секрет самого расхорошего маринада, а заключался он в неких специях, которые надо теперь срочно туда добавить. За специями снарядили Руслана. Отправляясь на задание, Руслан решил ещё тайно зайти в аптеку, и прикупить там пачку защитных средств – между ним и Мариной с Алиной развивался сегодня весьма не двусмысленный флирт, и надо быть готовым ко всему.

Руслан проехал на маршрутке до рынка, и нашёл там искомые специи. Выполнив эту самую важную часть задания, он проехал назад на одну остановку, и вышел неподалёку от аптеки. Руслан посещал аптеки крайне редко, только за бинтом и йодом. В этой аптеке он был впервые. Небольшое помещение было оформлено «под старину» из дерева, в светлых тонах. По замыслу дизайнеров, как видно, это должна была быть имитация старинной аптечной лавки. Только за окошком в стекле был не бородатый старичок-аптекарь в круглых очках и тёртом сюртуке, а молодая девушка-провизор в белом халате и с шапочкой-таблеткой на голове.

Руслан заглянул в окошко (хотя через стекло всё прекрасно видно) и попросил:

– Девушка, мне упаковку...

Он не смог договорить...

Аптекарьша подняла голову, и Руслан увидел знакомые глаза. Такой разрез и округлость, бархатистость длинных ресниц, и карий, с изумрудностью, цвет глаз, были неповторимы. Он очень давно не видел эти глаза, но память сработала отлично. Память тут же дорисовала всё остальное, и Руслан смог сравнить образ в памяти с натуральным оригиналом. Овал лица и форма подбородка совпали, всё остальное было такое же, но уже взрослое.

Это Вася, Василиса, из 15-й школы. Тогда, в лагере, все её называли просто Вася, или Васечка, и у Руслана чуть не вырвалось это вслух, но язык не повернулся так назвать взрослую красивую девушку, которая сейчас, с вежливым вниманием, присматривается к нему с той стороны стойки. Она тоже узнала его, её брови удивлённо приподнялись, а губы тронула лёгкая улыбка.

– Привет, – на выдохе сказал Руслан, – Какими судьбами...

– Ну, привет! – ответила она, улыбнувшись шире, – работаю я здесь, как видишь.

Её голос даже не изменился с возрастом!

По окончании шестого класса, Руслана как-то уговорили стать вожатым в сводном летнем лагере для младших школьников. Лагерь организовывался на базе 15-й школы, и в нём собирались дети 1 – 3 классов из всех школ города. Вожатыми в таком лагере были старшеклассники от 6 до 10 класса. В каждом отряде было по двое вожатых: один старший, уже имеющий опыт, другой новичок, из младших. Руслан попал в один отряд с Васечкой, она тогда закончила 9-й класс, и уже имела опыт двух летних сезонов в лагере. Им поручили отряд первоклассников. Поначалу, Руслану было очень дико чувствовать себя то ли мамой, то ли папой такой прорвы детей. Они были ещё малышами и запросы к своим вожатым у них были, действительно, как к родителям. Спасибо Васечке, она взяла на себя самые деликатные ситуации, а Руслан уж постарался поддерживать среди них порядок. Во второй смене им дали отряд второклассников. С этими было легче – они более самостоятельны, хотя дисциплина, конечно, хуже. Руслан и Васечка легко сошлись, она простая в общении девочка, и с ней легко было находить общий язык в любых обстоятельствах. В школьном возрасте разница в три года весьма заметна, и для Руслана Васечка была, однозначно, старшим товарищем. Настолько старшим, что он, порой, обращался к ней за разрешениями по некоторым поводам: «Васечка, а можно...». Это уже позже он говорил: «Васечка, а давай...». Очень хороший старший друг на одно лето. После этого они уже больше никогда не виделись, и в сознании закрепился, естественно, этот образ: подвижная девочка с косой до пояса, старшая подруга, и немного командир.

И вот, обладательница этого образа, сбережённого памятью, стояла перед ним совсем другая. Не в образе Васечки, а в образе Василисы: молодая девушка-ровесница, изумительно похорошевшая с тех пор, как Руслан видел её последний раз. Никакой разницы в возрасте он уже не мог увидеть – разница исчезла по воле природы – Руслан повзрослел, и она тоже стала взрослой. Теперь года не имеют значение, важно другое, важно то, что видишь сейчас. Встретив на улице такую девушку, он бы, непременно, оглянулся.

– Узнал тебя... с удовольствием! – Руслан подобрал подходящее слово, – Надо же – Василиса!

Она тихонько засмеялась:

– Я тоже рада тебя видеть! Изменился – любо-дорого смотреть. Учишься, наверное?

– Диплом скоро защищать буду.

– Понятно – техникум. А я фармакологию закончила, и, вот, работаю теперь.

– Благородная профессия... – сказал Руслан, – А я, думаю, поступлю в институт, в Омске попробую.

– Я тоже в Омске училась...

– Вернулась?

– Мне в родном городе тоже хорошо.

В короткой паузе они обменялись изучающими взглядами.

– Ну, так как ты... в жизни... – Руслан пытался продолжить разговор.

Василисе тоже нечего было придумать.

– Да вот... стою за аптечной стойкой, – улыбнулась она, – А ты как поживаешь?

– Да, так... Не знаю, чем похвастаться... Ещё всё впереди.

– Не работаешь?

– Подрабатываем с другом на фирме, производящей окна.

– Молодцом! – одобрила Василиса, – и учись и работаешь. Я в Омске тоже работала – книгами торговала. Знала, что торговый опыт пригодится – провизором ведь буду. И на скорой помощи тоже работала. Медицинский опыт для нас тоже не лишний.

– Да, мы с Андрюхой ещё и в «качалку» ходим. Отдыхаем...

– А то, я вижу, ты не хилой конструкции! Знаю, какой был, помню, а вот теперь совсем другого человека вижу. Это так необычно!

– Ты мои мысли читаешь – и ты тоже не такая.

Василиса скромно опустила глаза.

– Так что ты хотел купить? – спросила она.

– Э-э... этот, как его... гидропирит есть? – Руслан уже давно соображал, как объяснить Василисе свой визит в аптеку. У него язык не повернётся сказать ей, что он собирался купить на самом деле.

– У нас небольшая компания однокурсников собралась – пояснил он удивлённой девушке, – чтобы заочно отметить сдачу, точнее, готовность, дипломных проектов, а заодно, задним числом, отметить давно прошедшее восьмое марта. Там среди нас есть две девушки, которые решили испортить себе волосы ради каких-то причёсок...

– И ты...

– А я пошёл за специями для шашлыка, а они меня попросили зайти за гидропиритом. И теперь я буду им очень благодарен за эту просьбу... В общем, я очень рад тебя видеть, Василиса!

– Да, как-то неожиданно встретились, – сказала она, – хотя чего неожиданного в том, что бы встретиться в аптеке маленького провинциального города?

– Очень давно не виделись, всё забыли... Учились, разъехались – всё, как обычно бывает.

– А ведь когда-то вместе целую стаю первоклашек держали! – засмеялась Василиса, непроизвольно покачиваясь за стойкой.

Какая у неё фигура ладная! Это совсем не та Васька, что была давным-давно. Когда в памяти только девочка-подросток, то её превращение в девушку, спустя годы, выглядит как чудо.

– Да, мы с тобой были дружной командой, – ответил на её слова Руслан, – а наши подопечные сейчас уже свои школы заканчивают.

– Ага, – кивнула Василиса, – я видела некоторых из них. Боже, какие девки длинные выросли, не говоря уже о парнях! Как всё замечательно меняется – люди растут! И это так здорово! Вот я на тебя смотрю, и вижу: здорово! У меня есть двое, племянник и племянница, так они у меня на глазах растут, и это как-то незаметно, а когда человека сто лет не видишь, а потом он перед тобой появляется во всей красе, это приятно удивляет!

Она говорила, а Руслан смотрел на её губы, не в силах оторваться. Их движение завораживало его. Если бы он сейчас перестал слышать Василисин переливчатый голос, он бы всё равно понял каждое слово, потому, что её волшебные губы словно создавали в реальности каждый образ, сказанный ими. Они двигались выразительно и неторопливо, с лёгкой полуулыбкой, которая создавала едва заметные ямочки на щеках девушки.

Руслан был в какой-то неожиданной растерянности: Василиса ему безумно понравилась, и что с этим делать? Наверняка, она не свободна. Такая девушка не может быть свободна. Спросить её напрямую – это значит признаться в своём чувстве. Рано. Хотя, спросить можно по-всякому.

– Ты говоришь, у тебя племянники. Брат? Сестра?

– Старшая сестра, Елена. Она на пять лет меня старше, замужем.

– А ты? – сорвалось у Руслана.

– А я нет, – просто ответила Василиса.

Она больше ничего не добавила. Есть ли у неё парень? Руслана одолело волнение, но виду он не подал.

– Эх, жаль, Василиса, мне идти надо. Ждут. Я зайду как-нибудь ещё, не помешаю?

– Заходи, конечно! – и её губы подарили Руслану ещё одну очаровательную улыбку, – Поговорим о том, о сём. Это сейчас мы встретились неожиданно, все при делах, мысли не собрать. Вот, гидропирит. Скажи девушкам, что лучше не иметь красивую причёску, но иметь красивые волосы. Я всю эту химию знаю, учёная пять лет, так я волосы только травами мою.

– Представляю твои волосы...

Из-под аптекарской шапочки выбивалась только каштановая чёлка, а за спиной виднелся ниспадающий шлейф длинных волос.

– Покажу как-нибудь, – сказала она с улыбкой.

От этого обещания у Руслана дёрнулось сердце.

– И ещё, – сказала она, – я работаю в дневную смену в понедельник, вторник, пятницу и субботу, то есть до шестнадцати часов. А в среду и четверг у меня вечерняя смена – с четырёх до десяти вечера. В воскресенье график особый: выходной, дневная, вечерняя, по очереди.

Руслан кивнул и посмотрел в её тёмно-зелёные глаза.

– Хорошо, спасибо, зайду при случае.

Он положил деньги на стойку и забрал пачку гидропирита.

– Ой, хочешь, я тебя витаминами угощу? – предложила Василиса, и достала круглую белую банку, – Я сама ими угощаюсь, это самые лучшие, качественные. Держи! – и она протянула ему на ладони несколько больших бежевых драже.

Изящная тонкая рука, длинные пальцы. Он подставил свою ладонь. Их руки рядом... И её ладонь перевернулась в его ладонь. Лёгкое касание, от которого по его телу словно ударная волна прошла...

– Пока, Василиса.

– Удачи, Руслан.

Он с трудом заставил себя двинуться в сторону двери. Выходя, он оглянулся и кивнул на прощание. Она ответила лучезарной улыбкой.

Когда он сбежал со ступенек аптеки, из его уст вырвался некий непередаваемый звук, который удивил и его самого. Это было нечто вроде горлового пения монгольских степняков и распевки оперного мэтра одновременно. Его обрадованная душа дышала так широко, что вибрировала в его лёгких. Семимильными шагами он двинулся в обратный путь, удаляясь от Василисиной аптеки, но сама Василиса стояла перед его глазами, никуда не исчезая.

Когда автоматическая дверь закрылась за Русланом, Василиса минуту смотрела вслед, а потом подошла к зеркалу, и стала озабочено себя осматривать. Её волновало, как она выглядела во время нежданной беседы. Зеркало, не лишённое магических свойств в этой аптеке, охотно включилось в демонстрацию ближайшего прошлого. Василиса улыбнулась себе из зеркала, как улыбалась недавно Руслану, и осталась довольна. А ведь она ему понравилась! Василиса это сразу заметила. Значит, он ещё придёт... В аптеку зашла женщина с хнычущим ребёнком, и Василиса была вынуждена оставить зеркало, вернуться к стойке и продолжить работу.

Руслан быстро вернулся к Зайцу, и выложил пакеты с приправами.

– Всё в шашлык! – объявил он.

Его так и подмывало вручить Марине и Алине пакет гидропирита, вместо ожидаемых резинок для интима. У него с начала этого дня было хорошее настроение, а теперь оно стало семикратно отличным. Но самую яркую часть своего настроения, подаренную Василисой, он скрыл от всех, внутри себя, и грелся этим, как нежным солнышком. Для компании однокурсников хватит и той весёлости, что у него была, а всё своё душевное сияние – только для Василисы!

Вечер прошёл отлично. Дружески поговорили и посмеялись, вкусно закусили, помечтали о будущем. Руслан был весел и в меру разговорчив. И ему всё время представлялась Василиса, присутствующая рядом – она видит и слышит его, и оценивает.

Разошлись за полночь. Руслан даже провёл обеих свободных девушек по домам, поддерживая в пути только лёгкую беседу, и не пытаясь развивать с ними отношения. Заключительная ночная прогулка осталась только прогулкой, но девушки, похоже, не в обиде.

Он не спал остаток ночи. Не раздеваясь, лежал на диване, или бродил по тёмной комнате. Только Василиса занимала его мысли, и служила источником энергии, не позволяя спать. Он знал, как это называется, и честно себе в этом признавался. Надо будет успокоиться и всё проверить. Они, когда-то, были хорошими друзьями, и очень обрадовались встрече спустя много лет. Это, конечно, не предел. Но что будет дальше, теперь зависит только от Василисы. Вся грядущая неделя у Руслана будет плотно занята, и он зайдёт к Василисе не завтра и не послезавтра, а намного позже, и тогда проверит себя.

Глава 3. Он и Она

Василиса, Василиса, и опять Василиса... Она везде с ним, он не выпускает её из своей памяти. Вспоминает каждый момент разговора, каждое слово.

Он идёт к Василисе. Сегодня пятница, значит, она должна работать в дневную смену.

Апрельский воздух светится от растворённой в нём солнечной плазмы, а Руслан плывёт в нём, как облако.

Чем ближе он к аптеке на улице Ермака, тем больше его одолевает волнение. Что он ей скажет? Да, он обещал зайти ещё раз, и она согласилась, но не для того, конечно, что бы он просто зашёл поздороваться. Она может быть занята... А он не догадался взять у неё номер телефона. Конечно, она пригласила его из вежливости. Но она всё поняла... А вдруг, она уже жалеет об этом?

Руслан подошёл к аптеке по другой стороне улицы, и подождал минуты три. Никто не входит и не выходит оттуда – посетителей нет. Потом, на рекламной вывеске, он увидел номер телефона аптеки; он достал свой мобильник, и набрал эти цифры. Всё, теперь у Василисы есть повод ему отказать – отказывать всегда легче на расстоянии. Он сунул телефон обратно в карман... Да, но это номер не Василисы, а её аптеки. На связи может оказаться и не она. Ладно... Он снова достал телефон, и нажал вызов.

Долго ждать не пришлось – её голос ответил: «Аптека на Ермака, слушаю!»

– Добрый день, – ответил Руслан, – извините, могу ли я поговорить с Василисой Белосветовой?

«Да, конечно, это я»

Сердце Руслана забилося с размахом, так, что могло быть услышано микрофоном телефона.

– А это я, Василиса, Руслан.

«Ах, Руслан, здравствуй!» – обрадовано ответила она.

– Василиса, я не помешаю тебе, если зайду в гости... как обещал?

«Если обещал, – сказала она, – то никак не помешаешь. А когда ты придёшь?»

– Я уже здесь, напротив.

«Заходи!»

У Руслана зазвенела душа, и он не заметил, как оказался на другой стороне улицы. Этого перемещения не заметили даже водители автомобилей, которые, не останавливаясь, двигались по этому участку дороги. Недаром в русском языке существует такое выражение – «окрылён» – потому, что это, действительно, бывает.

Он вошёл в аптеку. Звякнул входной колокольчик...

Перед телефонным звонком Руслана Василиса поливала цветы на этажерке, в зале для посетителей. Конечно, она оставила маленькую лейку, и бросилась к зеркалу. Она нашла себя безупречной, понадобилось только поправить чёлку. Василиса минимально использовала косметику, так что ей больше ничего не потребовалось, что бы остаться довольной собой. Когда Руслан вошёл в зал, она уже успела вернуться к прерванному занятию.

– Привет! – сказала Василиса, повернувшись, и поставила лейку возле цветов.

Затем чинно, не спеша, чуть улыбаясь, она подошла к нему.

– Василиса, – обратился к ней Руслан, глядя в её ненаглядные глаза, – мне ничего не надо в твоей аптеке. Я зашёл совершенно без повода беспокоить тебя. Я пришёл просто пообщаться со знакомой девушкой. С тобой, то есть. Это уместно?

Василиса, не отрывая своих глаз от его глаз, шагнула ещё на шаг к нему, и оказалась прямо перед ним, волнуяще близко. Она была ниже него на полголовы; когда он был в шестом классе, она была выше на голову. Чуть подавшись вперёд, она сказала доверительным тоном:

– Уместно. Поверь, Руслан, это самое разумное, что только можно делать при встрече со знакомой девушкой – общаться с ней.

Его непокорные глаза предательски соскользнули с её губ на её грудь, обтянутую красной водолазкой под стильным белым халатом с глубоким вырезом. Но Руслан немедленно вернул взгляд на лицо Василисы.

– Давай присядем, – предложила она, – не будем же мы стоять посреди зала.

В углу зала было место отдыха для посетителей, в котором стоял резной деревянный столик и два кресла. Василиса усадила Руслана в одно из кресел и предложила кофе. Он, конечно, не отказался.

В сей момент в аптеку зашёл мужчина. Василиса натянула на лицо марлевую повязку, которая до того висела у неё на шее, и ушла за стойку. Покупатель получил нужное ему средство, и ушёл, а Василиса, немного погодя, вернулась с двумя чашками кофе, и села в другое кресло, напротив Руслана.

– Ну, как ты, не болеешь? – спросила она его, стягивая повязку, – видишь, грипп в городе запоздалый.

– Никакая зараза не берёт, Василиса. Говорят, что состояние стресса активизирует иммунитет.

– Это правда! – весело согласилась она, – А что у тебя такое, что вызвало состояние стресса?

– Защита на носу.

– А, это знакомо!

Руслан, сказал ей немного не то. Защита, конечно, грядёт, но она не страшила его. День и ночь, когда он не спал, мысли о Василисе вызывали в нём бурю и волнение. Это и был, на самом деле, тот стресс, который заставил его тело забыть о каких-то вирусах и весенних сырых холодах. Вот Заяц, например, слёг с температурой, а Руслану хоть бы что. Зацепившись за студенческие дела, разговор завязался и полился ручьём.

Руслан узнал, что Василиса живёт в квартире родителей вместе со старшей сестрой Еленой и её двумя детьми. Муж Елены уехал работать на Дальний Восток, следом за родителями Елены и Василисы. Там они уже купили новую машину, а сёстрам отец оставили свою старую Ниву. Теперь Василиса готовится сдавать экзамен на водительские права. У Руслана водительское удостоверение уже есть, хотя машины нет. Машина есть у Зайца (дедушкина), и когда Заяц учился в автошколе, он и Руслана за собой потащил. Руслан рассказал и о том, как он мастерит старинное оружие, и Василиса сочла это весьма достойным занятием.

Потом в аптеке появились посетители, и образовалась очередь человек семь. Пока Василиса их обслуживала, Руслан сходил за мороженым, в магазин, через дорогу. Он принёс килограммовое ведёрко шоколадного пломбира с орехами.

Очередь разошлась, и они снова устроились в уютных креслах за столиком. Мороженое разложили в десертные тарелочки.

– А что, как торговля идёт? – спросил Руслан, – Я смотрю, народ болеет потихоньку. Я-то сам в аптеках не бываю.

– Болеют, конечно. Выручка есть, – ответила Василиса, снимая губами мороженное с ложечки. Для Руслана это было волшебное зрелище.

– Только я тебе скажу, – продолжала она, – что половина всех болезней в наше время, современных болезней, так сказать, это не болезни, а отдельные симптомы уже давно известных заболеваний. Но их определяют как отдельные болячки, что бы делать под них лекарства.

– Коммерция – это приумножение потребностей потребителей, – выдал Руслан умное замечание.

– Точно! Так что не попадайся в руки врачей.

– Бабушка Зайца когда-то сказала, что мы с ним слишком правильные: не пьём, не курим, и в «качалку» ходим, а у Андрюхи даже девушка правильная.

– Правильная девушка – это, конечно, важно, – сказала Василиса, – Знаешь, я когда-то пробовала курить. В компании, конечно, но, слава богу, не для авторитета среди них. На пробу. Я фармацевт, всё-таки. И пришла к выводу, что человек устроен изначально прекрасно и не нуждается в наркотической стимуляции.

– Я тоже пробовал курить, лет в семь, поэтому уже начисто забыл, что это такое, – сказал Руслан.

Если бы Василиса курила, Руслан бы подался в террористы, и взрывал табачные ларьки.

За лёгким и интересным разговором прошёл остаток рабочего дня до четырёх часов. Съели мороженое и закончили поливать цветы. Ещё несколько раз появлялись покупатели, ненадолго их отвлекая. А потом пришла сменщица Василисы и уборщица.

– Ну, вот, свой день отстояла, – сказала Руслану Василиса, – пойду, сдам кассу Ларисе.

– Василиса, а Василиса, – обратился он к ней, – я не нарушу твои планы, если провожу тебя домой?

– Меня? Домой? О-о-о! Я буду очень рада! Подожди, я быстро.

– Не торопись, касса – это очень ответственно.

Василиса появилась минут через десять, уже одетая в короткое сиреневое полупальто. На руках перчатки того же цвета. Из мягких тапочек она переобулась в невысокие сапожки на каблучках средней высоты. Её переливчатые волосы теперь были свободны от «спецодежды» и спадали на плечи.

– Ну, всё, я готова, – улыбнулась она, – Идём!

И они, звякнув колокольчиком, вышли из аптеки. Лариса, худощавая дама лет сорока, выглянула им вслед из окошка, а уборщица – из дверей подсобного помещения.

Только начинало вечереть. Солнечная плазма уже улетучилась из воздуха. Впереди несколько улиц до дома Василисы.

– Ну, что ж, теперь, как принято, о погоде? – спросил Руслан.

– О погоде! – весело махнула рукой Василиса, и взяла Руслана под руку.

– Извольте, – ответил Руслан, – Нынче, видите ли, апрель.

– Ах, вот как, неужели!?

– Скоро будет гораздо теплее, чем сейчас.

– Ну, наконец-то!

– Дальше, говорят, лето.

– Ах!

– Это я к тому, что уже можно гулять на свежем воздухе...

– Заманчиво!

Так, весело переговариваясь в том же духе, они дошли до пятиэтажки на улице Чкалова, в которой, на третьем этаже, жила Василиса.

– Пришли, – сказала она, остановившись у подъезда, – Спасибо, что проводил.

– Спасибо за приём, Василиса, – ответил Руслан.

Они теперь стояли лицом к лицу, так же рассматривая друг друга, как при первой встрече. Немного помолчали.

– Мы встретимся ещё раз, – сказал Руслан.

– Обязательно, – ответила она, – давай, в выходной, чтобы не сидеть на работе. У меня выходной в следующее воскресенье, не в это. Но ты всё равно, заходи на неделе, если хочешь.

Руслан кивнул.

Очень хотелось её поцеловать.

– Тогда до встречи, – сказал он, и осторожно тронул своей рукой её руку.

Она сделала ответное движение, и её ладонь оказалась в его ладони.

– До встречи, Руслан.

И Василиса скрылась за дверью подъезда, взмахнув рукой на прощанье.

Перед Русланом остался её фантом с развевающимися волосами. И это не мудрено – поднимаясь на свой третий этаж, Василиса не переставала думать о состоявшейся встрече с Русланом, и мысленно продолжала видеть его, вспоминая все его взгляды, по которым она угадывала, как он её рассматривает. Ни разу не увидела она в его глазах пустоты или разочарования в том, что он видит, и от этого тепло заполняло её сердце. Для неё было совершенно очевидно, что он не равнодушен к ней, и это было так удивительно, и так приятно ей. Вся жизнь теперь казалась другой, очень нужной и важной, если кто-то греется твоим теплом; главное теперь только не переставать это тепло излучать.

Войдя в квартиру, она нежно расцеловала племянников и звонко поцеловала сестру, чем всех удивила. «Тренироваться ведь надо» – мысленно объяснила она всем. Не поняли, конечно, да ну и ладно.

Руслан заходил к Василисе в аптеку и в среду и в четверг, в её вечернюю смену, что бы проводить домой. В ночную смену в аптеке работают только мужчины-провизоры, и они, сменяя её, не высовывали любопытные лица вслед уходящей паре.

Василиса уже хотела пригласить Руслана в гости, но в такое позднее время их малыши уже спят, и будет некомфортно пробираться по квартире в потёмках на цыпочках. Они расставались у подъезда, и попрощались лишь касанием рук.

Накануне, в субботу, Руслан позвонил Василисе, как она и просила, что бы договориться о воскресной встрече. Она сообщила, что воскресным утром собирается пройтись в библиотеку, и если Руслан составит ей компанию, то они потом вместе прогуляются по городу. Встретиться договорились на улице, по пути.

Воскресенье. Руслан купил замечательную белую, с голубизной, розу. Он осознавал, что Василиса всё понимает и видит. Дружба уже не дружба, он к ней не ровно дышит, и она в этом не сомневается. Естественно, она ожидает, что будет дальше. Не стоит разочаровывать девушку, дальше будет роза – это приглашение к чему-то большему, и, если угодно, провокация.

Они увидели друг друга издали, когда шли вдоль литой ограды городского парка. Василиса приветственно взмахнула рукой в перчатке. Руслан кивнул головой. Белая, с голубизной, роза покоилась на сгибе его левой руки.

Они лишь немного добавили шаг, и остановились, встретившись, точно под чугунным фонарём 19-го века.

– Здравствуй, – сказала она, взмахнув ресницами.

Руслан ответил ей искренней улыбкой, и протянул розу, возлежащую в ладони.

– Мне?

Она аккуратно взяла цветок и легонько прижала его к щеке, а потом повела перед носом, прикрыв глаза.

– У неё такой аромат... А какой цвет необычный!

– Тебе... Здравствуй, Василиса.

– Ну, ты... кавалер... – сказала она, продолжая любоваться розой, – Спасибо, Руслан!

Василиса была в лёгкой растерянности, но она была очень рада такому знаку внимания.

– Идём, Руслан. Очень красивая роза!

Она взяла его под руку, и они пошли дальше по улице, в том направлении, в каком изначально шла Василиса. Вместе рассматривали белую, с голубизной, розу, и говорили что-то о цветах, постепенно перейдя на тему о хищной росянке.

В библиотеке Василиса брала книги, что бы читать на работе. Заодно и для племянников что-нибудь подбирала. Пока Руслан просматривал библиотечный каталог, получив розу на хранение, Василиса выбрала книги себе и детям. Книги она сложила в сумку, которую передала Руслану, а сама снова взяла белую, с голубизной, розу. Они вышли на улицу.

Воздух снова начинал наполняться солнечной плазмой.

– Ну, куда теперь? – спросила Василиса, подхватывая Руслана под руку.

– Куда угодно, Василиса, – ответил Руслан, – пройдемся, осмотрим город, как он оживает после зимы. Зайдем в кафе, посидим.

– Вот и хорошо, – согласилась она, – только пойдём сразу в нашем направлении, но в кафе заглянем на чашечку кофе, или на две. Подождём немного там, что бы Ленка успела.

– Что успела?

– Мы с ней вчера затеяли тесто на пирожки, и с утра начали их печь. Я ушла, а она закончит. Пойдем ко мне в гости, на чай с пирожками!

По пути они встретили Зайца с рюкзаком за спиной. Андрей был послан Петровной на дачу, по делам хозяйским, и теперь тащил оттуда что-то нужное. Заяц, поздоровавшись с ними, старательно сделал «квадратные глаза», выражая своё восторженное удивление.

– Нас заметили! – усмехнулась Василиса, когда Заяц миновал их.

– Попробуй не заметь такую красавицу, – усмехнулся и Руслан.

– Розу, что ли?

– Заяц на розы не смотрит, Василиса!

– Так это и есть Заяц?

– Он самый!

– Ничего себе! Да это не Заяц, это целый Волк!

– Он сам говорит, что фамилия его предков – маскировочная, что бы ввести врага в заблуждение.

Василиса засмеялась. Она обладала красивым дифтонговым смехом: основной звонкий горловой, и нотки грудной вибрации.

Они пили кофе в одном хорошем безлюдном кафе. Заведение было настолько приличное, что им предоставили вазочку для белой, с голубизной, розы, а в воду положили кусочек льда, чтобы цветок не перегрелся в тепле и не развернулся полностью раньше времени. Оттуда же, из кафе, Василиса позвонила домой, узнать, как идёт приготовление. Оказалось, что пока ещё можно не торопиться, и у неё возникла идея немного попрактиковаться в вождении автомобиля, уж коль рядом оказался человек, успешно сдавший водительский экзамен.

Они дошли до её дома, и направились к рядам гаражей на заднем дворе – в одном из них стояла их Нива. Василиса достала из сумочки здоровенный ключ. Наверное, все владельцы автогаражей соревнуются между собой в размерах своих отмычек – Руслан ни разу не видел маленького гаражного ключа. У Зайца ключ от гаража был как Золотой Ключик Буратино на картинках.

Этим громадным ключом Василиса легко открыла замок.

– Помоги, – попросила она.

И Руслан раскрыл створки ворот. Внутри стояла синяя Нива, слегка забрызганная грязью.

– Игорь приедет, помоем, – пообещала Василиса. Игорь – это муж Лены. А машину я всю зиму регулярно заводила, двигатель погонять.

– Это правильно, – одобрил Руслан.

– Но не выезжала. А то уеду и не заеду обратно.

– А как же учишься?

– На машине автошколы.

– А машина там с ручной коробкой или с автоматом?

– С ручной, конечно, а то, как же я на нашей поеду?

– Ладно, тогда давай круг по двору. Можно, я попробую?

– Конечно, бери ключи.

Руслан вывел машину из гаража и проехал два круга по асфальтовой дорожке заднего двора.

– Ездит! – сказал он, выбираясь из кабины, – Теперь ты.

– Садись рядом.

Василиса уселась за руль, а Руслан сел рядом. Она осторожно, не дёргаясь, тронулась, и медленно повела машину по кругу. Второй круг она проехала быстрее, а третий ещё быстрее.

– Хватит, пожалуй, – сказала она, останавливая машину.

– Тогда, Василиса, давай, заруливай в гараж, – сказал Руслан.

– Я промахнусь!

– Василиса, у тебя твёрдая рука. Ты сейчас провела машину по узкой дорожке, которая, обрати внимание, не шире, чем ворота вашего гаража.

Василиса внимательно посмотрела на раскрытые ворота и согласилась:

– Действительно.

– Только медленно, накатом.

Василиса попала в гараж с первого раза, хотя она это сделала в три толчка.

Они вместе закрыли створки ворот: Василиса левую, а Руслан правую, и снова оказались лицом к лицу.

Опять встретились их глаза.

Руслан медленно поднял руку к её плечу. Ещё мгновение и он привлечёт её к себе... Но его ладонь упёрлась в её ладонь, которую Василиса подняла навстречу. Мягкое препятствие остановило Руслана. Он опустил руку, и Василиса тоже. Она растеряно усмехнулась, опустила глаза, и достала ключ из сумочки. Закрыв замок, она сказала:

– А теперь идём к нам.

Руслан попал в скромную, но ухоженную и опрятную трёхкомнатную квартиру. Отсутствие тяжёлых элементов интерьера, вроде настенных ковров и сервантов с «богатствами» за стеклом, делали жизненное пространство лёгким и просторным. Приятно удивила прихожая, свободная от тумбочек и кладовочек. В большинстве мещанских квартир прихожая напоминает не место входа, а баррикаду или блок-пост с целью не столько впустить, сколько воспрепятствовать проходу извне. Здесь было не так – только обувной шкафчик и пуфик. В этой прихожей Руслана сразу встретила Елена в лёгком белом свитере и чёрных джинсах – Василиса номер два, и даже малозаметно, что она на пять лет старше.

– Вы удивительно похожи, – сказал Руслан после взаимных приветствий и представлений, – если бы это была только вторая встреча с Василисой, я бы вас путал!

– Представь, такие ситуации уже бывали! – засмеялась Елена, а потом позвала детей: – Людмила, Сева, выходите сюда, познакомьтесь!

Прибежали дети Елены, и, собравшись в маленькую кучку из двух персон, уставились невозмутимо на Руслана.

– Я Руслан. А вы кто, признавайтесь.

– Сева, пять лет, – доложил мальчик.

– Людмила, – сказала девочка застенчиво.

– Четыре года, – добавил Сева.

– Серьёзные люди, – похвалил Руслан, – Ну, тогда угощайтесь!

Хорошо, что он догадался в кафе купить пару хороших шоколадок для детей.

Они приняли угощение и поблагодарили.

– Да на здоровье! – ответил Руслан, – А чем это у вас так вкусно пахнет?

– Пирожками! – дружно заорали оба, – Вы что, не знаете, как пирожки пахнут?

В общем, расположились за столом, в гостиной. Электрический самовар стоял в стороне, чтобы не мешать видеть друг друга. А блюдо с красивейшими пирожками расположилось посредине, во всеобщей доступности. Белая, с голубизной, роза была поставлена тут же, на столе, в маленькой фарфоровой вазе. Чай был разлит по чашкам, и началось этакое «знакомство семьями», хотя Руслан свою семью представлял единственно своей личностью.

Елена с детьми жила в родительской квартире, с Василисой, в основном только тогда, когда муж Игорь уезжал надолго, а вообще у них с Игорем была своя двухкомнатная квартира. Елена была служащей в одной здешней фирме, где персонал часто подменяет друг друга, а потому, бывало, задерживалась на работе. Василиса тогда ухаживает за племянниками. Дети-погодки – это удобно, считали сёстры. Они помнили своё детство, разница в пять лет, разные интересы. И родителям удобнее, когда дети вырастают практически одновременно.

А Руслан жил с матерью один. С отцом они в разводе, хотя видятся и связь поддерживают. Мама работает оператором на Уваровской гидроэлектростанции, вахтовым методом, неделя через неделю. У Руслана есть старший, на два года, брат Алексей, с которым он видится очень редко с детства, потому что Алексей учился в Суворовском училище, а сейчас заканчивает академию Воздушно-Космических Сил.

– Ох, ничего себе! – восхитилась Елена (Василиса уже слышала про брата Руслана), – а ты, что же, не пошёл, так сказать, по стопам?

– Мать не захотела, – ответил Руслан, – хватит ей одного солдата.

Пока пили чай, в духовке созрело кроличье жаркое.

Потом опять пили чай.

Задушевная беседа продолжалась долго. Принимали участие и дети. Они рассказывали Руслану что-нибудь своё, а он как-нибудь занятно отвечал на их вопросы. Поговорить с мужчиной детям было очень интересно, потому как папу они не видели уже три месяца, и увидят только через месяц. В десять часов вечера Елена повела их спать, и Сева спросил, когда Руслан придёт ещё.

– Когда хозяйки пригласят, – ответил Руслан.

– Я здесь хозяйка! – сразу выступила Людмила.

– Васинька, твоё веское слово! – сказала Елена, – Ты здесь у нас приглашаешь!

– В любой выходной! – провозгласила Василиса, – Да хоть каждый вечер, но только мы тогда ничего приготовить не успеем.

– Готовите вы, конечно, изумительно, – ответил Руслан, – но, всё же, вы не ресторан, что бы каждый день так напрягаться, так что не беспокойтесь об этом. Ваше общество мне не менее приятно, чем ваши угощения. Благодарю за приглашение! Мы с Василисой будем договариваться, когда я её провожаю, или созваниваться.

– Сударь, вы неотразимы! – сказала Елена, – Другие и двух слов связать не могут. Сразу видно, что человек воспитан не на Интернете и не на сериалах.

– Массовые увлечения меня отторгают, – ответил Руслан, – и я принципиально никогда не буду говорить, как говорит массовка.

После того, как детей отправили спать, они ещё час сидели в гостиной и разговаривали. Теперь они уже расположились на диване – Василиса и Руслан, а Елена – напротив них, в кресле.

А потом уж пора было и уходить. Василиса спустилась проводить Руслана, накинув на себя спортивную ветровку. Они стали у подъезда, глядя друг на друга. Василиса обняла себя за плечи.

– Замёрзнешь, милая, – сказал Руслан, и привлёк её к себе.

Василиса охотно прижалась к его груди, уткнувшись головой в его подбородок. Руслан сомкнул руки вокруг неё.

– Нет, не замёрзну, – ответила она тихо, – не буду тебя задерживать, тебе ещё до дома добраться надо. Я только кошку заберу, и пойду.

Кошка, трёхцветная, пушистая, прибежала почти сразу – ждала, когда её заберут, и сразу начала тереться о ноги хозяйки.

– Ну, как тебе у нас? – спросила Василиса, – Всё нормально?

– Очень у вас хорошо, – ответил Руслан и прижался губами к волосам девушки.

– А у тебя, действительно, замечательные волосы, – сказал он, – шёлковые.

– Я их в травах купаю, и расчёски у меня только деревянные.

Руслан осторожно провёл рукой по её льющимся волосам. А кошка перешла от ног Василисы к ногам Руслана, и стала тереться о них головой.

– Со мной кошка знакомится, – сказал он.

– Это Сильва, – представила Василиса, – Ну, ладно, пойдём мы.

Руслан разомкнул руки, и Василиса отстранилась от него.

– Придёшь ещё? – спросила она.

– Конечно, Василиса.

Она довольно улыбнулась.

– Приходи, Руслан!

И, вместе с кошкой, она исчезла за дверями подъезда.

Руслан пошёл домой. Настроение было какое-то остаточное, послепраздничное, когда эмоции исчерпаны, и наступает лёгкая грусть. Так же чувствовала себя и Василиса.

Она вернулась в квартиру и взялась помогать Елене, прибираться в кухне.

– Что-то вы недолго любезничали, – вкрадчиво сказала Елена.

– Нам кратких слов хватает, – рассеяно ответила Василиса.

– Такое глубокое понимание? – спросила сестра.

– Ага, – согласилась Василиса.

– Ты, Васинька, как-то не особо разговорчива сегодня была.

– Знаешь, Лен, вот странно, но боялась ляпнуть чего-нибудь лишнего, что бы невпопад не оказалось.

– Не переживай, Вась, он не сноб какой-нибудь, парень простой. Или тебе принц нужен, на белом коне?

– Я коня не прокормлю! – рассмеялась Василиса.

Она поставила у изголовья своей кровати белую, с голубизной, розу, и уснула, вспоминая осторожное объятие Руслана во время прощания, и дыхание его груди. Она слышала тогда, как билось его сердце.

Глава 4. Соединённые дождём

В понедельник, в раздевалке спортзала, Заяц с ходу накинулся на Руслана:

– Ты где такую боярыню взял?! Признавайся! Как зовут?

– Василиса.

– Василиса?! Вот это да – она ещё и Василиса! Я чуть глаза не потерял, когда увидел!

– Мы заметили, Андрюха.

– Ну, рассказывай, где боярыню украл?

Руслан прищурил глаз.

– Помнишь, я два болта арбалетных в болоте утопил? Лягушка принесла, как ты и обещал. И вот, пожалуйста...

– Да не гони, какая там лягушка! Рассказывай!

– Подруга детства.

И Руслан коротко изложил все обстоятельства прошлого и настоящего.

– Подруга детства, говоришь... – задумчиво сказал Заяц, – Повезло тебе в детстве. Один раз, но какая зацепка получилась. Ладно, не буду молоть языком... Бери свою царевну, и соберёмся все вместе!

Руслан уже думал на грядущих выходных пригласить Василису к себе в гости, но Заяц изменил этот план – он пригласил их в гости к себе. Повод был весомый: накануне Заяц очень удачно сходил на рыбалку, был пойман язь и сом, и Светлана взялась их вкусно приготовить. Лучшие друзья просто обязаны присутствовать на этом триумфе. Руслан позвонил Василисе и передал ей приглашение Зайца. Василиса согласилась.

В субботу, за полдень, прикупив торт, они явились к Зайцу. Заяц жил в частном одноэтажном доме с собственным двором под виноградной беседкой. Он встретил их, выйдя навстречу во двор. Руслан представил Василисе своего друга, а Василису – Зайцу. Заяц немедленно провёл их в дом и вызвал Светлану на церемонию знакомства. Светлана вышла со стороны кухни, и обе девушки оказались рядом. Заяц уже было раскрыл рот, что бы представить их, но остановился, увидев, что они с удивлением смотрят друг на друга.

– Света?

– Василиса?

Оказалось, девушки были знакомы. Светлана работала помощником художника-реставратора в Дубовском историческом музее, и её приглашали помочь оформить «под старину» аптеку на Ермака, в которой тогда начинала работать Василиса. Так и познакомились. Дубов – город маленький.

Язь и сом, пойманные Зайцем, закончили свою жизнь достойно и почётно, в виде вкуснейших блюд, приготовленных Светланой. Не каждой рыбе выпадает счастье быть вот так съеденной.

Поскольку дружеская беседа, ещё при встрече, началась с обстоятельства знакомства девушек, то она плавно перешла на тему работы Светланы в историческом музее.

– Сейчас я вам проведу виртуальную экскурсию по музею, – сказала она, и достала свой планшет, – Я покажу вам экспонаты, которые все видели, но не в таких подробностях, как при обычной экскурсии. Да и не всё про них рассказывают.

Светлана устроилась на диване, и все собрались вокруг неё.

– Итак, начнём с самого загадочного экспоната нашего музея – картина «Комната Соевского». Эту картину все знают – она висит в фойе музея, как самая заурядная картина. Очень трудно назвать её шедевром, скорее сойдёт, как образец техники живописи. Большинство людей воспринимает эту картину как этакий лубочный декор, что бы стенку прикрыть. Картина местного художника середины 19-го века Соевского – картина без сюжета. Даже непонятно,

к какому жанру её относить. Здесь изображена просто комната. Обставленная комната-гостиная, и всё.

Света начала показывать различные фрагменты очень крупным планом. С большим интересом они осмотрели всю картину по частям, в большом увеличении, словно производили обыск, но ничего подозрительного не нашли.

– Вот так же многие исследователи изучали каждую деталь этой безлюдной комнаты, полагая, что художник здесь что-то спрятал. Это комната зажиточного мещанского дома. Здесь стоит диван, комод, большой гардеробный шкаф, два кресла, цветочный столик, угол занимает камин, облицованный керамической плиткой. В стороне стоит большой стол, накрытый скатертью с бахромой. На полу ковёр, с потолка свисает лампа с абажуром. На правой стене, часть которой видна на картине, висят настенные часы. Характерно, что солнечный блик на стекле полностью скрывает стрелки и время определить невозможно. А солнечный свет попадает в эту комнату через открытое окно, обрамлённое массивными занавесками. В открытом окне виднеется часть зелёного летнего леса и поля. Вот в этом окне, возможно, и загадка. Может быть эта картина – пейзаж? Окно занимает где-то процентов 15 всей картины, но пейзаж в нём прорисован с удивительной детальностью. Если мы увеличим этот фрагмент, то увидим перед собой просто картину-пейзаж. Профессиональные художники и фотографы говорят, что перспектива этого пейзажа до 500 метров! В рамках окна пейзаж кажется обрезанным, хочется заглянуть за раму и увидеть его более целостным. К чему художник так старался?

– С информационной точки зрения, – сказал Заяц, – это окно занимает не 15, а процентов 50 всей картины. Мегабайт на мегабайт.

Фрагмент окна рассмотрели подробно, в большом увеличении. Действительно, это была отдельная картина, хорошо прорисованная.

– Ну, и без легенд, конечно, никак нельзя, – сказала Светлана, – некоторые «свидетели», утверждают, что в комнате иногда появляется призрачное живописное изображение хозяина комнаты. Кто говорит, хозяина, кто говорит, хозяйки. Я, лично, ничего не видела.

– Интересная у тебя, Света, работа, – сказала Василиса.

– Я с детства рисую, – ответила Светлана, – и училась в «художке». Потом пошла в ПТУ сферы обслуживания, на художника-оформителя. Два года отучилась и попала в музей, реставраторам помогать. Теперь всю подноготную знаю.

Светлана вывела на экран следующую фотографию.

– А это череп древнего человека, неандертальца, что ли. Вы видели его в музее, их там несколько, и этот тоже вместе с ними. Между собой его мы называем «Бедный Йорик». Это не древний человек. Это мощи некоего святого, которые несколько веков лежали в монастыре в золочёной коробочке, и люди ходили молиться перед ними. После революции, когда большевики добрались и сюда, в монастыре они начали «наводить порядок», прежде чем утопили его в водохранилище. Но святой череп не выбросили, а приспособили к полезному делу: отдали в медицинское училище, что бы студенты изучали анатомию. Там он прослужил несколько лет, а потом потерялся где-то в кладовках. Когда медучилище переехало в другое место, череп нашли совершенно другие учёные люди и «опознали» в нём череп неандертальца – он уже изрядно попорчен, некоторых фрагментов не хватает. Вот так он у нас оказался. От несчастно убиенного святого, до статуса малоразвитого предка – вот его история – бедный Йорик!

– Ну а теперь переходим к другой святыне, – продолжала Светлана, – Вот, печатная Библия из Франции, 17 век, на латыни, естественно. Вы видите, она раскрыта на одной из страниц. На этой странице вы видите отпечаток человеческой руки.

– Левая ладонь, – отметил Руслан.

– Изображение ладони – это результат чудесного проявления на странице священной книги. На этой библии клялся король Людовик, возложив руку. Нет, это была не коронация. Всё гораздо прозаичнее: король клялся вернуть взятые займы деньги. Вы знаете, что во Франции

было много Людовиков, а некоторые из них были в долгах, как в шелках. Очередной Людовик брал очередной заём у очередного кредитора, и поклялся на этой библии, которая принадлежала, видимо, тому же ростовщику, что денежки вернёт. А через несколько дней на месте возложения монаршей длани проявился её отпечаток. Ну, это ли не чудо! Клятву короля подтвердил сам Бог! Данный экземпляр библии стал, естественно, святыней, и был помещён в церкви. А дело тут вот в чём. Как вы знаете, в средневековой Европе люди вообще не мылись, и одежду не стирали. Это считалось греховным язычеством. В грязи и вшах пребывали все – от пастуха до короля. Так вот, король Людовик, номер такой-то, приложил к бумаге свою жирную пятерню, должно быть, после обеда. Сразу это видно не было, а за несколько дней жир прилепил к себе пыль и прочую грязь, и контур ладони ясно проявился поверх текста. Всё это намертво взохло в бумагу. Ладно бы, грязная рука отпечаталась сразу, тогда бы ни какого ажиотажа не было. Но грязь проявилась позже, что и потрясло средневековых людей, как чудо. А спустя годы была французская революция, когда все эти людовики были отвергнуты, и всё, что с ними связано. Библию священник спрятал с глаз долой, чтобы не увидели революционеры. В результате многих препятываний, она пошла по рукам и оказалась в наших краях.

– Религия – дело тонкое, – подвёл итог Заяц.

– Ну а теперь, совсем непонятный экспонат нашего музея, – сказала Светлана, открывая целую галерею снимков, – Молчаливый Свиток. Просто пергаментный свиток, в котором ничего не написано, но при этом он, что называется, зачитан до дыр. Он склеен из 16 листов, и ни на одном из них нет следов текста, который мог бы там быть. Текста там никогда не было.

В галерее фотографий были представлены несколько частей этого свитка. Их жёлто-бурая поверхность была словно покрыта мелкими трещинками, и больше ничего, а края пергамента имели потрёпанный вид.

– И, тем не мене, здесь что-то есть, или было, – продолжила Светлана, – потому что этот артефакт имеет свой заголовок: с обратной стороны, читаясь на свёрнутом свитке, сделана явная надпись харийской каруной, и написано здесь «Образа Огневеда». Было установлено, что Огневед – это древний волхв наших краёв, служитель древнего дохристианского культа на Руси. Вероятно, культа Семаргла – Огнебога. Из этого следует, что свиток мог иметь ритуальное назначение, и для чтения, как такового, не предназначался. Само слово «образа» говорит о том, что в свитке не текст, а изображения, хотя и их здесь нет. Все листы свитка имеют мелкое тиснение, похожее на рыбу чешую. Специалисты установили, что это отпечаток прессы или валика, которым укатывали пергамент в процессе его производства. Кстати, по поводу этого свитка нас когда-то насмешил один умник: он сказал, что в свитке нет текста потому, что у славян тогда ещё не было письменности! Ха-ха-ха! Письменности ещё нет, а книга уже есть!

– А название? – спросила Василиса.

– Харийская каруна не именно славянская письменность. Славянская – это Буквица и Молвица. Но жрецы использовали Харийскую и Даарийскую письменность; тогда была единая вера для всех Русов – и для Славян, и для Ариев. Но это не научная догма, а потому во внимание не принимается. Не было письменности у славян, и точка! Но, рассказывают, что был один старый научный сотрудник, который мог читать этот свиток. Отсюда вывод, что с тех пор свиток сильно изменился – испортился...

– Ну-ка, Света, погоди, – сказал Руслан, – увеличь какой-нибудь лист.

Светлана сделала максимальное увеличение, и все увидели бледный текстурный рисунок «рыбьей чешуи». Какое-то время молча рассматривали.

– А зачем на укаточном ролике делать такую насечку? – спросил Руслан.

– Не знаю. В общем, в экспозиции свиток не выставлен – смотреть нечего. Лежит в хранилище.

– Нет, погоди, – опять сказал Руслан, – на ней написано «образа», то есть изображения, значит. Возникает у меня смутное подозрение. Там эта насечка. Может быть, это что-то вроде

голографических картинок? Материал уже старый, и мог утратить свои первоначальные свойства. Может быть на этой «чешуе» когда-то было какое-то покрытие, светоотражающее, ну, вроде латунной пудры, например. Если покрытие восстановить, то это тиснение на свету будет давать картинку, как на современных защитных голограммах.

– Такая мысль никому ещё в голову не приходила! – с удивлением сказала Светлана.

– Откуда такая технология в те времена? – воскликнул Заяц.

– Мы толком понятия не имеем, что было, на самом деле, в те времена, – ответил Руслан.

– Я расскажу про эту идею в музее, – пообещала Светлана.

Дальше, виртуальная экскурсия по музею была отложена, по причине чаепития. Светлана обещала, при случае, показать ещё что-нибудь интересное из запасников.

За чаепитием разговаривали на иные темы. Заяц рассказал про интересный случай, естественно, на рыбалке. У него тогда продырявилась надувная лодка посреди озера. Резиновый «Титаник» утонул, а он после этого начал строить лодку-раскладушку, вместе с Русланом. И вот теперь ему вздумалось дать ей название, как полноценному плавсредству. Заяц вознамерился назвать её «Светлана», но девушка воспротивилась:

– Я не хочу быть рыболовным траулером, в котором возят рыбу!

Василиса рассказала пару забавных случаев про пьяных пациентов, имевших место во время её подработки на скорой помощи в новогодние дни. А Руслан припомнил, как они с Иванушкой попали в плен в Дубовской ракетной части, и какой они погром там устроили, что бы выбраться. Сейчас в Интернете, на спутниковых снимках, можно увидеть места «боевой славы». И Светлана опять достала планшет. Рассматривая Дубов со спутника, у Зайца возникла идея прокатиться по городу на их «Волге».

Когда завечерело, Заяц выкатил из сарая дедушкину «Волгу» ГАЗ-24. Машина была в отличном состоянии после восстановительного ремонта. Заяц сел за руль, а Светлана рядом. Руслан и Василиса устроились на заднем сиденье. Руслан приобнял её за талию, а она удобно приклонилась на его плечо.

Поехали! Заяц возил по лучшим местам города. Накатались, и первой завезли домой Василису.

– Ребятки, очень была рада, с вами познакомиться! – искренне сказала она, прежде чем выбраться из машины, – Даже жалко расставаться!

– А мы ещё организуемся! – твёрдо пообещал Заяц, – Ну, Рус, провожай Василису, а мы подождём, сколько надо.

– И не торопись, – подмигнула Светлана.

Руслан и Василиса вышли из машины. Она взяла его за руку, и они пошли к подъезду; поднялись на третий этаж и остановились у двери её квартиры.

– Ну, до встречи... – прошептала она, глядя ему в глаза.

– До встречи... Всё нормально, Василиса? Как тебе мои друзья? Не знаю, был ли я достаточно внимателен...

Она положила руку на его плечо и привлекла его к себе. Он наклонился, и Василиса нежно поцеловала его в щёку.

– Всё очень хорошо, солнышко, не переживай! Мне всё очень понравилось!

Руслан словно растаял. В голове загудел тёплый ветер.

– Василиса...

Он устремился к ней, намереваясь ответить тем же, но она тут же положила руку на его грудь, и сразу отстранилась от него к двери.

– Всё, всё, Русь... Спасибо тебе! Приходи и звони, как всегда. Буду рада.

Руслан вздохнул, но улыбка расцвела на его лице.

– Спокойной ночи, Василиса, – сказал он, – Лене и детям привет.

Василиса согласно кивнула и повернула ключ в замке. Сделав прощальный жест ладошкой, она скрылась за дверью.

Что за чудо эта девушка!

Руслан стал медленно спускаться вниз.

Василиса в это время, стояла в тёмной прихожей, в задумчивости прислонившись спиной к стене и закрыв глаза. Свежая прохлада его кожи всё ещё была на её губах. Она провела ладонью по своей щеке... Она не позволила ему проявить ответную нежность, сдержала дистанцию... Любая другая девушка, почти любая, позволила бы себя поцеловать в ответ. Он так хотел этого! Мысль про «любых других» неприятно кольнула Василису. Она вспомнила своего «бывшего», когда училась в институте. По современным меркам его и бывшим назвать нельзя – Василиса была девушка хотя и целованная, но не тронутая. Руслан не должен стать «бывшим», ни по каким меркам, даже по самым строгим, она этого не переживёт. А для этого нужна дистанция в отношениях, как испытание и закалка.

В четверг вечером, когда Руслан провожал Василису домой, она сказала ему, что на этих выходных Елена работает, и на её попечении будут Сева и Людмила, ей надо будет с ними гулять, так что встречи вдвоём не получится. Руслан ответил, что это не проблема, и он с удовольствием поможет Василисе развлекать детей.

Василиса обрадовано хлопнула в ладоши, и провозгласила:

– Васичка и Руслан снова во главе отряда малолеток!

И они принялись обсуждать план на грядущие выходные. Погода уже была изумительно тёплая и ласковая, одеваться можно было легко, а гулять – долго. Василиса давно хотела сводить детей в лес, который начинался сразу за городом, и Руслан бы здесь очень помог. Руслан, к тому же, знал неплохое место в лесу.

Они дошли до дома Василисы, и зашли в квартиру. Василиса объявила Елене план прогулки, и та ответила, что дети будут, наверняка, на ухах стоять от радости, когда завтра утром узнают об этом.

Василиса проводила Руслана на лестничной площадке. Она положила обе руки на его плечи, и, приклонив к себе, мягко, но звонко, поцеловала в щёку. Тёплая волна от касания её губ прошла по всему лицу Руслана. Он перестал дышать, словно с его дыханием могло остановиться и это волшебное мгновение. Ещё бы один раз...

Но она убрала руки с его плечей, и ее рука попала в его ладонь.

– Василиса!

Он придержал её пальцы, но она мягко забрала их.

– До встречи, Русь... – она улыбнулась, отступила назад, и, не оборачиваясь, открыла свою дверь.

– До встречи, Василиса... – Руслан согласно кивнул.

Она ответила взмахом ресниц.

Её губы вздрогнули, словно в порыве поцелуя, если ему не показалось, и она скрылась за дверью. Тихо щёлкнул дверной замок.

В субботу утром все были готовы к походу. Руслан зашёл за ними в десять утра, как договорились. Форма одежды походная. Руслан надел джинсы и лёгкую камуфляжную куртку-ветровку поверх футболки. Василиса надела спортивный тренировочный костюм, в котором она иногда совершала утреннюю пробежку по своему району. Дети были тоже в спортивных костюмах, из старой одежды, которые не жалко затаскать по траве и песку. Василиса приготовила бутерброды и банку салата. Руслан прихватил сосиски для жарки на костре, сырую картошку для запекания, нержавеющий чайник, кружки, чай, сахар и печенье. Всё взятое поместилось у него в рюкзаке. Шесть литров воды в пластиковой бутылке он нёс отдельно, в руке.

Они дождались нужный им автобус, сели, и поехали. Дети были в радостном предвкушении, и с трудом могли усидеть на месте. Минут за тридцать доехали до первой загородной остановки, где и вышли.

Здесь было тихо и покойно. Молодой листвой светился лес, да кое-где темнели вечнозелёные ели. Мягко грело солнце. Они прошагали немного дальше и свернули в лес по грунтовой дороге, которую знал Руслан. Дорога была уже сухая, только кое-где попадались старые лужи. Чем дальше они шли, тем больше становилось хвойных деревьев, сосен и елей. Руслан сразу дал детям важное задание: насобирать сухих крупных шишек для костра, потому что шишки очень жарко горят. Для Севы и Людмилки это было настоящее раскрытие важной фантастической тайны – шишки жарко горят! – от чего они пришли в сдержанный восторг, и сразу бросились со всем рвением выполнять задание. Для этого дела Руслан им выдал пластиковые пакеты. Они бегали между деревьями, выбирая шишки, и перекликаясь друг с другом, а Руслан и Василиса шли, не спеша, по дороге, взявшись за руки.

– Воздух-то какой, чистый! – говорила Василиса, – У нас сам город чистый, не то что Омск, например, но за городом, всё равно, ещё чище.

– Хвойный лес – самый лучший, – отвечал Руслан, – зелёная аптека, как говорят. Здесь надо чаще бывать.

– Ещё лето впереди, – и Василиса чуть сжала его руку.

– Намёк понял! – сказал Руслан, – Мы ещё обязательно сюда придём!

– Русла-а-ан! – раздался голос Севы, – Смотри, какие я шишки насобирал!

Сева подбежал с полным пакетом шишек, всяких разных. Следом его догнала и Людмила:

– И я, и я насобирала!

У неё было всего несколько шишек, но большие и, действительно, сухие.

Они добрались до лесной поляны между березняком и хвойным дремучим лесом. Выбрали место, удобное и сухое, и расстелили там подстилку. Руслан взялся за костёр. Дети не отступали от него ни на шаг. Шишки шишками, но и обычные дрова не помешают. Они ходили по березняку и собирали не очень тонкие сухие берёзовые ветки, опавшие с берёз. Руслан их легко ломал через колено. Потом они вернулись с дровами на поляну, и начали разводить костёр. Сначала Руслан зажёг большие сухие шишки, собранные Людмилкой, они загорелись легко, потом в огонь пошли все остальные шишки и дрова.

Было тепло и солнечно, Василиса и Руслан сняли верхнюю одежду. Дети, вскоре, тоже сняли куртки.

Костёр горел, превращая сухие ветки в жаркие угли для запекания картошки. Дети радостно бегали вокруг костра, и подбрасывали дрова. Василиса разложила бутерброды, а Руслан нанизал сосиски на прутики. Когда пламя чуть утихло, сосиски принялись жарить все четверо. Потом их с удовольствием съели вместе с бутербродами. Пока Руслан и Василиса съели по одной сосиске, дети их съели по две.

– Отличный ресторан! – сказала Василиса.

– На природе любой продукт превращается в дичь, – пояснил Руслан.

Костёр перегорел, и они заложили в горячие угли картошку. Пока картошка запекается, все четверо отправились побродить вокруг. Руслан с Василисой не спеша шли по лесу, а дети бегали вокруг них, как зайцы, и активно боролись за внимание Руслана.

– Руслан, смотри, белка! Белка! – кричала Людмила.

– Руслан, я гриб нашёл! – кричал Сева, – Он съедобный?

– Нет, – на всякий случай отвечал Руслан, тем более что он в грибах особо и не разбирался.

– Руслан, давай ещё дров наломаем! Я нашёл!

– Руслан, я дупло увидела! Там, наверное, кто-то живёт!

– Ух ты! – Сева, вдруг, остановился.

Все подошли к нему. В траве лежала здоровенная бурая кость.

– Кого-то съели, да, Руслан? – спросила Людмила.

– Волки, – согласился Руслан, – А это был крупный зверь. Лось, наверное. В это время года здесь волков нет. Они зимой близко подходят, а сейчас ушли.

– А если появятся?

– Отдадим им кость, – серьёзно ответил Руслан.

Они ещё немного прошли по лесу, и вернулись к своему костру. На месте застали нескольких лесных птичек, которые исследовали их вещи. Птички сразу улетели.

Руслан разгрёб угли, и проверил картошку, испробовав одну – картошка испеклась. И пиршество продолжилось: печёная картошка с солью и, снова, зажаренные на костре сосиски. А на тлеющие угли поставили чайник с водой.

Пока чайник созрел, дети бегали по поляне, а Руслан и Василиса молча сидели вместе, прислонившись спина к спине, наслаждаясь шелестом леса, тёплым ветерком и близостью друг друга. Василиса откинула голову на его плечо, и Руслан слышал её тихое дыхание. Он прижался щекой к её волосам, и она тоже...

– Хорошо-то как... – тихо сказала Василиса, прикрыв глаза.

– Хорошо... – ответил он.

– ...с тобой.

Так они сидели, расслабившись, неведомо как долго, с закрытыми глазами. Им было достаточно слышать неподалёку от себя голоса детей, которые что-то искали в траве.

– Русла-а-ан! Самолёт! – закричал Сева.

Пришлось открыть глаза и посмотреть в небо. Синеву чертил ярко-белый след, стремительно удлиняясь. Но звук, который докатился до них, совсем не был похож на гул двигателя. Василиса на самолёт не смотрела, она всё так же пребывала в полулежачем положении на плече Руслана, с закрытыми глазами и блаженной улыбкой на лице.

– Гром, что ли, гремит? – сразу определила она.

– Точно, гром, – согласился Руслан, – это гром, первый, весенний. Кстати, наш чайник закипел.

Они встали, и теперь увидели, что с севера надвигается серая облачность, которая заняла уже половину неба.

– Неужели дождь будет? – удивилась Василиса, – Я ни в одном прогнозе дождя не видела.

– Синоптики, должно быть, отвыкли прогнозировать дожди, – сказал Руслан, – ведь этот дождь будет первым дождём в этом году.

Низкие серые облака надвигались весьма быстро, а по верхушкам деревьев уже шелестел ускоренный ветер. Руслан разливал чай в кружки, когда ветер принёс первые капли дождя. Значит, дождь уже идёт где-то рядом, хотя небо на юге ещё ясное.

– Сева и Людмила! – позвала Василиса, – дождь начинается...

– Ура-а-а! – ответили дети, – Мы будем прятаться от дождя! Руслан, мы будем строить шалаш?

– Шалаш не успеем, – ответил Руслан, – похоже, дождь со шквалом – налетает внезапно.

– Мы будем быстро пить чай с печеньем и собираться домой, – пояснила детям Василиса.

И снова пророкотал гром, а солнечные лучи совсем исчезли в облаках. Только они уселись пить чай, как капли с неба полетели одна за другой.

– Не успеем, – сказала Василиса, – надо убежать, без чая.

Вдали уже был слышен ровный гул льющего в лесу дождя. Секунду все прислушивались к нему, а потом, как по команде, бросились собираться. Воду и чай пришлось вылить в костёр, вещи и подстилку быстро собрали и сложили в рюкзак. Накинули на себя куртки и скорым

шагом направились по грунтовке в сторону трассы. Спустя минуту шум дождя уже был совершенно отчётливо слышен строго за спиной.

– Он идёт прямо за нами! – бодро крикнула Василиса, – искал нас целый день, и нашёл! Но мы хорошо спрятались и успели отдохнуть на природе!

– И он нас не догонит! – поддержал Руслан.

– А-а-а! – азартно закричали дети. И все бросились бежать вперёд.

Василиса чуть не упала, огибая лужу в колее, и Руслан поймал её за талию. Дальше они бежали, взявшись за руки. Их, бегущих, дождь накрыл, ударив в спины. Дети визжали от восторга, и старались выбежать на такое место дороги, где деревья меньше скрывали от дождя. Их мочил самый настоящий мокрый дождь, и всё равно никуда от него не спрятаться! Наконец, они выбежали из леса к автотрассе. Дождь уже начал стихать, но отсюда было видно, что дождевая облачность простирается до самого города. Они все вымокли до нитки, и теперь, перестав бежать, почувствовали холод мокрой одежды.

– Двигайтесь, двигайтесь! – кричала детям Василиса, подпрыгивая на месте, – Когда там автобус, Русь?

Руслан изучил расписание, и выяснил, что обратный автобус в город будет минут через тридцать – он ходит с периодичностью в 50 минут.

– Лучше идти пешком, – предложил Руслан, – и не ждать.

И они пошли. Шли быстро и весело, расходуя энергию на всё, что только можно, чтобы не мёрзнуть на ходу – разговаривали, шутили и смеялись. Вода хлюпала в обуви, но впереди был тёплый дом.

– Идём ко мне, – сказал Руслан, – согреетесь, и попьёте, наконец, горячего чаю.

– Идём, идём, идём! – запрыгали дети.

– И одежду высушите.

– Да одежда будет сохнуть до завтра! – сказала Василиса.

– Пусть сохнет. А вы переночуете у меня. Вы замёрзнете, пока до своего дома доберётесь.

И, вообще, вы у меня в гостях ещё не бывали.

– Спасибо, Руслан! – ответила Василиса и сжала его руку.

Она тоже понимала, что до своего дома они рискуют добраться совершенно простуженными, к тому же уже вечер, а до дома Руслана гораздо ближе.

Автобус их так и не догнал. Руслан не ошибся, приняв решение двигаться своим ходом. До его дома они дошли, обнявшись, все четверо, что бы согреть детей, которых уже не потешала мокрая одежда и прыжки по лужам.

Они вошли в квартиру, Руслан включил свет в прихожей, и сразу отправил всех в душ.

– Снимайте мокрую одежду и обувь, я вам сейчас сухую найду. Вода горячая есть, и в душе водонагреватель. Обувь на духовке высушим.

– Руслан, а где мама? – спросила Василиса.

– А мама на этой неделе на вахте. В понедельник вернётся, – ответил Руслан.

В первую очередь быстро избавились от мокрой обуви, а потом Василиса с детьми отправилась в душ. Через несколько минут, по весёлым голосам детей, Руслан понял, что они согрелись и в порядке. Он, тем временем, стянул с себя мокрую футболку, и поставил на плиту чайник, после этого снял мокрые насквозь штаны и надел домашние сухие джинсы. Теперь бы не помешало быстро согреться и заняться одеждой.

– Вы там не спешите, грейтесь, как следует! – крикнул он Василисе и детям.

– Ага! – ответила Василиса из душа.

Руслан достал вафельное полотенце и растёрся им по всему торсу, что согрело его моментально. После этого он приступил к поискам одежды. Прежде всего – детям. Что достать для них он знал – в гардеробе до сих пор лежали его старые детские вещи, которые хорошо сохранились, и их жалко было выбрасывать. Он нашёл великоватые для Севы и Людмилки тёплые

рубашки, но других нет, зато они вполне подойдут, как халаты. Главное, что ещё были в сохранности вязанные тёплые носки, близкие им по размеру. Мама говорила когда-то: «Пусть лежат вещи, вдруг, для гуманитарной помощи пригодятся – в мире всякое бывает». Вот и пригодились. Теперь надо найти что-то для Василисы. Что же дать своей милой? Кроме своих рубашек, предложить больше нечего. И тёплые носки тоже есть.

Собранные вещи и два больших полотенца он принёс к дверям душа и постучал.

– Василис, вещи возьми, переоденетесь.

Василиса открыла дверь и вышла к Руслану. На ней оставалась только мокрая водолазка с закатанными рукавами, всё остальное уже было снято. Руслан вздрогнул, увидев её стройные фигурные гладкие ноги, прикрытые водолазкой существенно выше коленей. А Василиса вздрогнула, увидев торс Руслана и талию, перехваченную ремнём.

– Спасибо, Русь, – сказала она, поспешно забирая вещи, и скрылась за дверью.

Возле двери Руслан оставил три пары домашних тапочек.

Вскоре Василиса вывела из душа детей, довольных и тёплых, закутанных в рубашки, как в халаты.

– Руслан, посади, пожалуйста, куда-нибудь деток, – попросила она, – я пока всё мокрое сниму.

– Не вопрос, – ответил он, – с ребятами мы сейчас чем-нибудь займёмся, а ты грейся, сколько надо.

Василиса опять закрылась в душе. Она сняла с себя мокрую водолазку, всё нижнее бельё и стала под горячие струи. После холодного проливного дождя тёплый душ был блаженством. Под дождём она ёжилась и сжималась, словно уворачиваясь от каждой капли, а под душем словно развернулась, потягиваясь, как кошка, сбрасывая напряжение тела и расслабляясь. Так бы и стояла долго, но задерживаться нельзя – ещё ведь и Руслану надо согреться. Она представила его под душем... Это было не сложно – только что она его видела с обнажённым торсом. Вот он стоит рядом... Струи воды стремительно стекают по его телу... Воображение Василисы и удовольствие от тёплого душа соединились вместе. Значит, всё, хватит. Она закрыла кран.

Василиса вытерлась большим махровым полотенцем, теперь нужно одеться. Есть белая мужская рубашка и спортивные брюки. Рубашки вполне хватит. Мокрое нижнее бельё она никак не наденет, пока оно не высохнет. Получается, только рубашка на голое тело. Василиса застегнула её на все пуговицы, кроме ворота, и посмотрелась в зеркало на стене. Рубашка, конечно, для неё большая, на ней, как балахон. Она вытащила из своего спортивного костюма жёлтый поясok и перехватила свою талию. Вот теперь совсем другой вид: была рубашка, а теперь как лёгкий короткий халатик. Она завязала поясok чуть потуже и оттянула подол рубахи вниз, что бы прибрать верхние складки. Прижатая пояском ткань натянулась туго, и чётко обхватила её грудь и фигуру.

«Классно! – подумала она, глянув в зеркало – Но перебор!»

И Василиса чуть ослабила натяжку ткани, скрыв рельеф своего тела.

Она вышла из душа, и к ней тут же вышел из комнаты Руслан.

– Русь, я всё, – сказала она.

Он уже был в серой футболке без рисунка, которая почти плотно облегалась его тело. Василиса увидела, как его глаза молниеносно осмотрели её с ног до головы, а потом с головы до ног, и ещё раз...

– Русь, я уже управилась, – ещё раз сказала Василиса, – Куда мокрые вещи девать?

– Вещи будем сушить, – сказал Руслан, решительно отрываясь от красивых ног девушки, – Верхнюю одежду я сейчас развешу на веранде – ей можно сохнуть и до завтра, а нижнюю одежду повесим на кухне, возле плиты – высохнет за вечер.

– Тогда я развешу нижнюю одежду, – вызвалась Василиса.

– Хорошо, Василиса, давай. Там верёвки натянуты. А я пойду на веранду.

Руслан был в лёгком смущении: разве можно было так неприкрыто рассматривать девушку, когда она это хорошо видит? Она же не виновата, что ей пришлось, по воле обстоятельств, оказаться полураздетой. Но что же делать, если эта девушка столь хороша, что даже в чужой безразмерной одежде она умудряется выглядеть как богиня!

Они собрались в гостиной, где на диване уже были усажены дети и рассматривали любимый с детства фотоальбом Руслана – сборник фантастической живописи советских космонавтов-художников. Василиса позвонила Елене. Она объяснила ей обстоятельства, и обещала с детьми быть завтра. Елена всё одобрила и просила передать Руслану благодарность и привет.

А потом устроились на кухне, за столом, на мягких табуретках и пили чай с печеньем, батоном, мёдом и маслом – в общем, что в доме было.

– Как себя чувствуете? – спросил у всех Руслан, – Заболевших нет? Если что, у нас в аптечке что-то против простудное есть.

– Оно не простудное, а противосимптомное на самом деле, – сказала Василиса, – даже не спрашиваю, что. Нет, мёд и горячий чай – самое то! Наконец-то у нас чай! Дождь ведь не дал попить! Спасибо, Русь!

– Да на здоровье! Спать я вас устрою там же, в гостиной. Диван разложен. Хватит дивана?

– Вполне, – ответила Василиса, – мне с детьми его хватит, как двоим взрослым.

Они ещё долго сидели и разговаривали о чём угодно, переходя с темы на тему, в своё удовольствие. Выпили чаю чашки по четыре. Между делом, Василиса расчесала гребешком свои высохшие волосы, показав их во всей красе.

Было уже десять часов, когда детям предложили идти спать, но Сева и Людмила отказались, и попросились посидеть ещё немного вместе с Русланом и Василисой. Василиса согласилась, зная, что это ненадолго. Действительно, спустя полчаса Людмила начала зевать, а следом за ней и Сева. Тогда Руслан проводил их в гостиную, где уже был застелен разложенный диван. Горела только настенная лампа, создавая больше теней, чем света. Дети сразу забрались под одеяло, попискивая от удовольствия.

– Я здесь, рядом, в своей комнате, – сказал Руслан Василисе, – если что-то надо, обязательно заходи в любое время. А если я буду спать, меня можно смело будить. Ну, спокойной ночи всем!

– Спокойной ночи... – сонными голосами промурлыкали дети.

Василиса вышла следом за Русланом из комнаты, и они остановились у двери. Она стояла перед ним, две верхние пуговицы на рубашке расстёгнуты...

– Спокойной ночи, Руслан, – тихо сказала она.

– Я, скорее всего, спать ещё не буду, – сказал он, – не моё это время. Я буду у себя в комнате.

– Я тоже в это время не сплю, – ответила Василиса, – но надо уложить детей. Они первый раз в этом доме, я побуду с ними, пока не уснут. Тогда, может быть, ещё посидим немного. Но я с ними и уснуть могу, так что ты ложись, когда тебе надо, если меня не будет.

– Хорошо, Василиса. Но ты можешь поднимать меня в любое время, если что нужно. Даже поговорить.

Она тихо засмеялась, и жестом попросила его наклониться. Он уже знал, что будет, и прикрыл глаза. Легонько взяв его за плечи, Василиса нежно поцеловала его в щёку. Он успел поймать её руки, когда она опускала их, но она легонько выдернула их и отступила в гостиную. Улыбнувшись звёздочками глаз, она скрылась за дверью.

Свет в гостиной уже был погашен. Через шторы светила луна. Василиса прилегла рядом с детьми, не забираясь под одеяло. В её присутствии они быстрее уснут. Ей самой спать не хотелось совершенно, и она чувствовала, что энергии хватит ещё надолго. Утомление после похода и бегства под дождём начисто исчезло в гостеприимстве этого дома.

Она лежала и думала, конечно, про Руслана. Как хорошо с ним... Как он относится к ней... Припоминала все его взгляды, за которыми она всегда старательно следила. Как он осматривает её... До сегодняшнего дня, когда она впервые увидела его обнажённый торс, внимание Василисы больше всего привлекали его голос и его глаза. Его голос был для неё неповторим и уникален, а его глаза приятно смущали, когда рассматривали её, особенно, помимо его воли. Его глаза рассказали ей, что Руслану очень нравятся её губы... И ноги, конечно... Что будет, если он её поцелует? Это так не сложно проверить... В голове закрутился хоровод мыслей, вызванных гормонами, и она стряхнула их, как наваждение. Потом она приподнялась и прислушалась к детям. Их дыхание стало ровным и тихим – уснули.

Он умный, добрый, тактичный... И он, при этом, простой... Он мужественный... А теперь стоит подумать, что влюблённая девушка всегда видит только лучшее, не замечая плохого. Это может стать ловушкой. Тогда сначала надо разобраться в своей объективности, и выяснить: она влюблена? Да! Просто – да! Здесь или да, или нет, по-другому не бывает. Ну, и что с этим теперь делать? Вот, глупая, любить, что же ещё!? Любить, как есть, ничего не вычисляя и не расценивая!

Она привстала и развязала пояс, который теперь давил талию. Эта его рубашка... Она в ней словно в его объятиях. Василиса тихонько слезла с дивана и, босая, прошла по комнате. Она подошла к окну и выглянула за штору. А небо уже полностью прояснилось и в нём светила увеличенная половинка луны. Прошёл только час. Он, наверное, не спит. Василиса выглянула за дверь. Во всей квартире была темнота и тишина. Значит, спит. Но он разрешил заходить к нему в любое время. Даже просто поговорить.

Василиса, бесшумно ступая, направилась к дверям его комнаты. Она немного волновалась – ей ничего не надо, а она собирается поднять его. Но разве он не будет ей рад?

Она толкнула дверь и заглянула внутрь. Комната была подсвечена подрастающей луной, и всё было хорошо видно. Он сидел в кресле, откинувшись на спинку и положив ноги на подоконник.

– Руслан, – тихонько позвала Василиса.

Он шевельнулся.

– Руслан, ты не спишь?

Он приподнялся и оглянулся на дверь.

– Василиса? Проходи...

Он снял ноги с подоконника, и встал навстречу Василисе. На нём были только джинсы.

Василиса тихо зашла и прикрыла за собой дверь.

– Я не сплю, – сказала она, подходя к нему, – думаю, может и ты тоже...

Она стояла перед ним, не шевелясь.

– Ты мне снишься, – сказал он.

– И ты мне тоже, – и она хихикнула в ладошку.

– Лунный свет тебе очень идёт, – сказал он, осматривая её всю. Чего там уже, если сон, так сон...

– Тебе, признаться, тоже, – ответила она. Перед ней снова был его обнажённый торс в бликах лунного света.

Он отодвинулся и сказал:

– Присаживайся, Василиса.

Она села в кресло, согретое его телом, и ей стало от этого уютно и томно. Он присел на подоконник, напротив неё.

– Как дети? – спросил Руслан.

– Спят, – уверенно шепнула Василиса, – спят, как сурки.

В её глазах светились дольки луны, она ведь оказалась прямо лицом к окну.

– Вам тепло, не замёрзли? – снова спросил Руслан.

– Тепло, Русь, всё нормально...

– Но у тебя мурашки по коже...

Руслан заметил это на обнажённых ногах Василисы.

– Просто лёгкая приятная прохлада, – сказала Василиса, – Я не замёрзла... Чуть-чуть...

И, неожиданно для себя, она подняла одну ногу, и положила Руслану на колени, а потом другую. Его сердце гулко застучало. И её тоже, хотя она доверяла ему, и не сомневалась в нём. Его руки, едва касаясь, медленно прогладили её икры до коленок и обратно. Василиса застыла в волнении, чувствуя, как мелкая дрожь по коже, от его прикосновения, разбегается по всему телу. Это почувствовал и Руслан.

– Нет, ты мёрзнешь, – прошептал он, – Я тебя согрею.

Он сошёл с подоконника, а она встала с кресла. Руслан обошёл Василису, подхватив её вокруг талии, и сел в кресло. Василиса, легко влекомая его рукой, села к нему на колени. Он стянул с кровати покрывало, накинул его ей на плечи, и его руки опустились на её бёдра. А их лица были совсем рядом. Он видел прямо перед собой её полуоткрытые волшебные губы, которые уже столько раз делали ему подарок...

Руслан легко привлёк её к себе и поцеловал в эти желанные губы, так, словно был уверен, что это единственная и последняя возможность сделать это.

Её губы остались упруги и неподвижны. Она не сделала ни одного движения, застыв, как изваяние. Он чуть отстранился и увидел её расширенные зрачки. Её ресницы дрожали. Но, тут же, она потянулась к нему, а он к ней, и теперь их уста встретились смело, и с желанием, соединившись вместе. Её губы уже не были упруги и напряжены, а мгновенно стали мягкими, тёплыми и влажными.

Поцелуй длился неведомо как долго, пока проблески сознания снова не вернулись к ним. Тогда они прервались на мгновение, увидели глаза друг друга, и снова соединились. Потом Руслан взял её руки и возложил себе на плечи. Василиса поняла, и сплела руки у него на шее, а он охватил руками её талию и прижал к себе. Он глубоко поцеловал её в губы ещё раз, и ещё, и ещё. А она начала отвечать ему тем же, так же награждая его короткими, но смелыми поцелуями. Потом она уткнулась прохладным носом в его шею и сжала руки вокруг него крепче. Она немного дрожала. Он поцеловал её в ушко. Она вздрогнула. Он поцеловал её в шею. Она снова подняла лицо и тут же получила ещё один поцелуй. Ах, так!? И Василиса, прямо с размаху, широко, накрыла его губы своими губами. Сама от себя такого не ожидала. И тут же, опять, получила в ответ ещё один звонкий, как хрусталь, поцелуй.

За этим изумительным занятием – обменом сладкими поцелуями, – Руслан гладил бёдра Василисы и выше. Никакого нижнего белья на ней не обнаружилось.

– Ты точно замёрзнешь, – прошептал он ей, оглаживая её спину и бёдра.

Василиса, конечно, поняла, что для Руслана она совершенно обнажена. Девушка сжалась, подобрала ноги повыше на кресло, и прижалась к Руслану плотнее. Руслан знал, что ему сейчас доступно, но не смел преодолеть тот тонкий барьер одежды, который был между ними, ту границу, которая охраняет чистоту любви. В эти минуты он глубоко осознавал всю ценность Василисы для себя, предназначённость судьбы, в которой он не сомневался, и это было намного выше плотского удовольствия.

Широкое кресло позволило им удобно разместиться в нём, переплестаясь в объятиях. Первой уснула Василиса. А Руслан ещё долго наслаждался её тихим сладким дыханием и едва слышным стуком сердца. А потом уснул и он.

Утром они проснулись вместе. Василиса полулежала на нём с закрытыми глазами, но на губах её была лёгкая улыбка. Руслан некоторое время рассматривал её губки, а потом легко поцеловал. И тут же был пойман: Василиса своими зубками легко прихватила его за нижнюю губу. Вкуснейший долгий поцелуй начал их утро.

Они покинули тёплое кресло, привели себя в порядок и занялись приготовлением завтрака. А вскоре проснулись и дети.

Одежда уже высохла, обувь тоже. После завтрака все оделись и поехали домой к Василисе.

Елену удивили необычно сияющие глаза сестры и лёгкая весёлость. На Руслана Василиса посматривала чаще обычного, пока он был у них дома, а сам Руслан, похоже, вообще от неё не отрывался.

Как всегда, она вышла проводить его на лестнице. Теперь она свободно прильнула к нему и подставила лицо. И он поцеловал её, как только хотел, раз пять.

Глава 5 Система атакует

Конечно, Сева Лебедев в детском саду рассказал о замечательно интересном походе в лес с Василисой и Русланом. Проливной дождь был описан во всех подробностях. И если другие детишки наблюдали этот дождь в окошко, сидя дома, то Сева, вместе с сестрой Людмилкой, был прямо под ним! Он рассказал, как они замёрзли, и мчались лесом домой к Руслану, а потом согрелись и ночевали в этой интересной квартире, где они видели холодное оружие и самую настоящую кольчугу!

Но Сева никак не ожидал, что его рассказ вызовет живой интерес не только у детей его группы, но и у взрослых. В тот же день воспитательница взяла его, и повела в медпункт. Там Севу прослушал детсадовский врач, и сказала, что ребёнок здоров, но «хрипы есть», что может быть признаком зарождающейся простуды, а может и не быть. После этого Сева был сразу отведён к заведующей, где он просидел на стуле минут десять, пока не пришли две строгие женщины с вопросом: «Где ребёнок?». Увидев указанного им ребёнка, они сделали на лицах странно добрые улыбки, усадили Севу за стол перед собой, и начали расспрашивать. Они спрашивали его, где он был на выходных, как он туда попал, с кем, что делал, и где в это время были его родители. Он отвечал, а они записывали.

«Отец долго отсутствует в семье...» – записывала одна из них.

– А он скоро вернётся! – сказал Сева.

Но они даже не обратили внимания на его слова. Они спрашивали, и он подтвердил, что они с Людмилкой промокли и замёрзли. Кто их отпустил с «этими людьми»? – Сева ответил, что отпустила мама. Они даже спрашивали, что они ели в течение дня.

Севу отвели обратно в его группу, а к заведующей привели его сестру Людмилу Лебедеву, которая была в другой, средней группе. Её тоже расспрашивали о проведённых выходных и всё записывали. И в медпункте она побывала так же.

Когда Людмилку отправили обратно, одна из женщин сказала заведующей:

– Сигнал верный – мать оставляет детей под присмотром безответственных и равнодушных людей. Подпишите здесь. Пишите: «свидетель такая-то...»

И она передала заведующей исписанный лист с печатным заголовком «Департамент социальной защиты населения РФ». Заведующая подписала, не читая.

Руслан, с головой увлечённый Василисой, даже не заметил, что пришёл день защиты диплома – это вторник следующей недели, после тех самых выходных, когда они гуляли с детьми, и провели чудесную ночь. Ему Заяц напомнил в понедельник. И он пошёл, и защитил свою работу, забыв об этом уже через два часа. Ему, правда, быстро об этом напомнили однокурсницы, когда позвонили, чтобы пригласить на вечеринку по случаю получения дипломов. Руслан ответил, что явку не гарантирует, ибо имеет неотложные дела. Ему попросту не хотелось идти туда и терпеть на себе внимание этой неинтересной публики. Знали бы они, какая красавица и умница у него есть! Но перед ними он не собирался хвастаться любимой.

Защиту диплома отметили у Василисы в тот же день. Набрали сладостей, и попили чаю, как в своей семье: Василиса и Руслан, Елена и дети. А что будет в грядущую пятницу у его однокурсников? Кафе, истерический шум под названием «музыка», их девушки, дымящие сигаретами, как мужики, и претендующие на то, что они понравятся парням.

Руслан засиделся дотемна, и сёстры попросили его остаться ночевать. Чтобы не волноваться – как сказала Елена. Она увела детей спать, а Василиса повела Руслана в свою комнату. Там они устроились, обнявшись, у неё на диванчике, и насладились, для начала, длинным сладким поцелуем. А потом они продолжили разговор, начатый ещё в гостиной, за чаем. Что теперь Руслан будет делать, получив диплом? Ему обещали трудоустройство на заводе «Про-

мавтоматика», где он проходил практику. Ещё раньше он думал поступать в Омск, или идти в армию на срочную службу, а потом на контрактную, и осваивать военную специальность. Так он думал раньше, когда у него никого не было. Теперь работа за станком, на «Промавтоматике», стала возможностью остаться в Дубове. Но Василиса поняла, без лишних слов, его сомнения и ответила:

– Руслан, ты должен идти туда, куда тебе предназначено, и делать то, на что ты способен, а не то, что приходится делать из-за меня. Я тоже не хочу с тобой расставаться... И мы не расстанемся! Учись, утвердись в жизни! Устройся! Надо уметь ждать! Я это понимаю. Я буду ждать. Да, это, как обычно... Все так говорят... Многие говорили... Мы же сможем регулярно видеться! Было бы желание. Это же не на другой планете. Это правильный путь, Русь. Зато потом мы не будем жалеть, что не устроились в жизни. Знаешь, когда-то наступит этап, когда это будет твоей опорой, и эту опору надо делать сейчас.

– Ты правильно говоришь, Василиса, – сказал Руслан, и ласково погладил её руку, – Ты же Василиса – Василиса Премудрая. Да, так и должно быть. Если мы оба это понимаем, то для нас это не будет проблемой. Я буду учиться дальше.

– Ну, вот, – улыбнулась она, – мы, как всегда, поняли друг друга. Значит, дело пойдёт. Я бы не простила себе, если бы оставила тебя в Дубове!

– Мы живём в современном мире, – ответил Руслан, – где никто нигде не остаётся пожизненно. Самолёты, поезда, автобусы... Мы доступны друг другу всегда. Было бы желание.

– А желание есть, – тихо сказала Василиса.

– Какое? – вкрадчиво спросил Руслан.

Василиса засмеялась, и вместо ответа поцеловала его. Он обнял её, и, не спеша, стал целовать её в губки, словно обследуя: верхняя губа, нижняя, уголки рта. А она гладила его волосы.

– Не могу остановиться... – сказал он, – Правда, Вась, не могу...

Тогда она прикрыла его рот ладошкой, и сказала:

– Спать будем. Как тогда, у тебя...

Руслан почувствовал облегчение. Она сама привела его в свою комнату, и в отношении девушки это можно было расценивать очень многозначительно, но он расценил единственно верно: она ему очень доверяет. Он сам не желал её доступности, и в то же время, конечно, хотел её. Хотел обладать ею всей, а не только тем, что видят глаза и трогают руки, и уж если получить её тело, то получить заслужено. Но никакой заслуги, достойной Василисы, он за собой ещё не видел, и не смел нарушать неприкосновенность любимой.

– Мне тогда очень понравилось спать сидя, обнявшись, – сказала она, – но, может быть, тебе неудобно? Это мне-то было хорошо...

– Василисушка, ты меня выгнать хочешь? – засмеялся он.

– Нет, нет, нет, нет!

– Мне было очень хорошо, поверь.

– Всё равно, раздвинем диван. Хочешь, раздевайся, неудобно ведь всю ночь в одежде.

– Я рубашку сниму. Точно, неудобно будет.

Они раздвинули диван, и Василиса выключила настенный светильник. Она устроилась на диване калачиком, а Руслан обнял её сзади, окружив своим телом. Она взяла его руку, и прижала к своей груди. Он слышал, как стучит её сердце. Она слышала его сердце.

С утра, в кабинет заведующей детским садом зашли те же две представительницы службы социальной защиты, что были и в прошлый раз. Но с ними были ещё трое: высокий мужчина с надменным лицом, женщина, и полицейский.

Поздоровавшись, одна из социалок сказала:

– Мы забираем детей Лебедевых. Забираем сейчас, вызовите их.

– Куда забираете? – совершенно автоматически спросила заведующая.

– Они переходят под опеку службы соцзащиты, – ответила социалка, – вы же инструктированы были: выполнять распоряжения Департамента соцзащиты, сообщать о фактах. О фактах вы сообщили.

– Ах, да, – рассеяно ответила заведующая, – Так у них же родители есть, с родителями решайте этот вопрос.

– Ещё раз напоминаю: обязаны выполнять распоряжения Департамента соцзащиты.

Заведующая уже давно была проинструктирована по поводу взаимодействия с Департаментом, и знала, что не имеет права скрывать ставшие ей известными факты нарушений прав ребёнка и его безопасности. Но ей в голову не приходило, что распоряжения Департамента, которые она обязана выполнять, могут быть такими – отдать кому-то ребёнка прямо из детского сада.

– А как же родители? Что им сказать?

– Адресуете их к нам. Так где дети? Они, вообще, сегодня в детском саду?

– Я ещё не знаю с утра. Их принимают воспитатели. Я сейчас позвоню.

Заведующая позвонила в обе группы и выяснила, что Сева и Людмила на месте, и распорядилась немедленно привести их, одетых, в кабинет.

Пока она звонила, надменный мужчина надменно говорил, через женщину-переводчика, обоим социалкам:

– Детей нужно было забирать сразу! Как так можно!? Вас же учили! Почему их забирают только сейчас? Забирать детей можно сразу, по факту установленных нарушений! У нас именно так и делают. Суд – это вторично, когда мы решаем вопрос защиты ребёнка. Сначала – защитить ребёнка, а потом уже суд примет взвешенное решение о его полноценной и гарантированной защите. Защитить ребёнка и принять решение о его защите – это слишком разные вещи! Ребёнок может погибнуть, пока вы примете такое решение! Вот поэтому и существует Инструкция! Инструкция вас защищает, понимаете? Вы действовали по инструкции, и всё! О, эти русские... это не переводите.

Мужчина был норвежец, штатный сотрудник Барневарн – норвежской службы защиты детей. В Россию был командирован для обмена опытом, а точнее, для передачи и внедрения опыта по организации службы защиты детей от произвола общества.

Привели одетых детей. Социалки заулыбались, и сказали детям, что повезут их сегодня в другой детский садик. Дети заволновались. Их вывели, и все сели в полицейскую машину. Машина уехала, а в кабинете остались только заведующая и два воспитателя из групп Севы и Людмилки.

– А что сказать их маме, Лидия Григорьевна? – спросили воспитательницы.

– Детей забрал Департамент соцзащиты, – сдержано сказала заведующая, глядя в окно вслед уезжающей машине, – Пусть обращается туда.

Когда воспитатели вышли от заведующей, одна из них, Вера Витальевна, из группы Людмилки, сказала:

– Надо же матери позвонить! Как же так? Жень, позвонишь?

– А разве они сами не позвонят?

– Но, Жень, мама ведь их нам отдавала, а не им – спрос с нас!

– Да, ты права. А Григорьевна, похоже, не собирается ей сообщать. Это как же: иди сама ищи?

– Жень, позвони!

Обе воспитательницы были людьми прежней традиционной школы отношений с родителями и детьми. Для них главными и единственными представителями ребёнка были его родители – мать и отец. В их сознании, вся ответственность за ребёнка была только перед его родителями. На специальном семинаре воспитателей учили, что родители гораздо чаще могут

становиться источником угрозы для ребёнка, чем другие представители общества, по той причине, что родители имеют возможность чаще и ближе бывать с ребёнком. Эта выдумка почти не закрепились в их головах, настолько она была необычна, и родители, по-прежнему, воспринимались воспитателями как главные покровители своих детей. Поэтому они не могли не сообщить о случившемся Елене, матери Севы и Людмилки.

– Ладно, я позвоню, – сказала Евгения Александровна, воспитатель Севы. Но она вспомнила, что их предупреждали об ответственности за выдачу информации, которая может навредить ребёнку. Но это же мать! Но, кажется, именно к матери Департамент имеет какие-то претензии... Нет, мать это мать!

Евгения Александровна набрала номер Елены Лебедевой.

– Елена Викторовна, это из детского сада, Евгения Александровна, воспитатель. Елена Викторовна, ваших детей только что забрал Департамент соцзащиты.

Детей везли в Дубовскую городскую больницу, для обследования в инфекционном отделении. Так положено, для размещения в детском доме, куда их собирались определить до решения суда. Когда машина полиции остановилась возле хорошо всем знакомого здания горбольницы, дети заволновались.

– У меня ничего не болит! – испугано сказала Людмила.

– Ничего, деточка, – сказала одна из социалок, – просто посмотрят ваши животики. Если ничего не болит, то и хорошо.

Их отвели на второй этаж, в дальнее крыло, где была инфекционка. Двери этого отделения охранялись охранником. Детей передали врачам, и социалки вернулись назад. Ещё по пути к машине одна другой сказала:

– Ты обратила внимание на девочку? Если её внешность от матери, то я представляю себе её мать – женщины с такой внешностью от мужиков отбоя не имеют, и она, точно, ведёт бурную жизнь. Куда уж тут до детей!

Елена примчалась с работы в детский сад сразу после звонка воспитательницы.

– Умоляю, – просила её Евгения Александровна, – не говорите заведующей, что это я вас вызвала! Скажите, что вам понадобилось забрать детей среди дня, и вы сами пришли!

Заведующая уже была готова к разговору. Ей надо было только спроводить мать из детского сада в Департамент, и всё, они умывают руки. Конечно, она догадалась, что Елену кто-то вызвал, но пока не стала разбираться с этим. Она спокойно объяснила Елене, что с детьми всё в порядке, а в Департаменте ей всё объяснят и скажут, что делать, поэтому им, администрации детсада, ничего больше и не сообщали.

– Но зачем их могли забрать? – удивилась Елена.

– Ваш мальчик пожаловался, что он промок во время прогулки.

– Что? Пожаловался? Да он был в восторге! Это я могла бы пожаловаться, если бы о них сразу не позаботились. И позаботились хорошо! Да и кому какое дело? И что, это причина, по которой их забрали?

– Да.

– Но зачем? Куда?

– Я ничего не знаю, Елена Викторовна. Отделение Департамента находится в Горадминистрации.

Елена приехала в Горадминистрацию. Меньше всего она ожидала, что в Департаменте соцзащиты её сразу не примут. Там же оказались только какие-то ничего незнающие клерки. Они сказали, что Елене надо ждать явления волонтеров или других уполномоченных служа-

щих Департамента. Кем-чем уполномоченных? Почему ждать? Они забрали её детей, а она мать, и вот она пришла – чего ждать? Это они должны её ждать!

Наконец, спустя час, появился такой социальный работник – женщина предпенсионного возраста, на лице которой из косметики была только помада, но в таком количестве и качестве, словно она заменяла и собрала в себе весь тот макияж, что отсутствовал на лице.

– Вы мать Лебедевых? – спросила она, – Начальник отделения будет позже, может быть завтра. Но я вам объясню. Поступила информация, непосредственно от ваших детей, что вы оставляете их без присмотра.

– Я уже знаю, – возмущённо сказала Елена, – мой сын рассказал про прогулку в лес на выходных! С чего вы взяли, что они были без присмотра? Они же не сами пошли в лес, а с моей сестрой и нашим другом!

– По-нашему это называется: без присмотра, – ответила социалка, – Каков уровень ответственности вашей сестры, неизвестно.

– Она вполне ответственная и опытная в обращении с детьми девушка, – ответила Елена, – Я ей вполне доверяю!

– Это вы доверяете, а дети попали под дождь!

– Да тысячи детей регулярно попадают под дождь, лезут по лужам!

– Вы это приветствуете?

– Нет, конечно, но дети есть дети.

– Да, дети есть дети, но присутствие взрослых должно оберегать их от таких ситуаций, которые вредны для их здоровья. А в вашем случае присутствие взрослых привело их под дождь. Мы обязаны, по закону обязаны, реагировать на подобные случаи.

– Первый раз слышу о таких законах. Повторяю ещё раз: да, дети попали под дождь, но о них позаботились и привели в порядок. И с ними всё в порядке.

– Вот это сейчас и выясняют наши социальные работники. Если всё в порядке, то дальше суд оценит вашу родительскую состоятельность, и отдаст детей вам.

– Что!? – Елена даже поперхнулась, – Суд!? Причём здесь суд? Я же требую своих собственных детей! Я что, не получу своих детей?

– Извините, но отдать детей из учреждений службы соцзащиты можно только по решению суда. Никто не имеет права их вам отдать из спецучреждений без решения суда, если уж они сюда попали. Ведь их же не просто так забрали.

– Простите, их забрали у меня по решению суда? – её голос начал дрожать.

– Ещё нет. Но предварительно забрать их могут по сигналу в любом случае.

– По какому сигналу?

– О нарушении прав ребёнка или его безопасности.

– Что за бред? Откуда такие законы?

– Они приняты у нас недавно, но и не вчера, могли бы и знать. Во всей Европе действуют законы о преимущественном праве ребёнка на абсолютно любую защиту.

– О, Господи! А мне-то что делать?

– Теперь уже ждать решения суда.

– А где же дети? С кем они? Кто их кормить будет?

– За это не беспокойтесь. Накормлены и ухожены они будут хорошо. Ведь теперь ими занята служба соцзащиты, волонтеры которой занимаются детьми круглосуточно, в отличие от родителей, которые большей частью отсутствуют, на работе, например, и прочие другие причины бывают. Ведь так, гражданка?

– Я не увижу своих детей? – спросила Елена, с дрожью в голосе.

– Нет, – ответила социалка, – Пока нет.

– Они же маленькие, они же плакать будут! – и Елена зарыдала сама, – Я должна с ними встретиться!

– Успокойтесь, с ними опытные психологи, они всё детям объяснят и успокоят.

– Вы не имели права их забирать без меня! – закричала Елена, – Вы должны были прийти и разбираться со мной! Я бы всё объяснила, если так уже нужно, и всё бы стало понятно, а не хватать детей!

– Мы действовали по инструкции, – мягко ответила социалка, – Поступил сигнал – мы обязаны немедленно отреагировать.

Тем временем за спиной Елены уже появился полицейский, из охраны Горадминистрации.

– Гражданка, – сказал он, – Покиньте помещение. Вы начинаете себя вести неадекватно, а это не в вашу пользу.

– Сотрудники не знали, что это родитель ребёнка, – виновато сказала социалка полицейскому, – поэтому пропустили.

Потрясённая Елена даже не осознала, как её вывели на улицу.

К окошку аптечной стойки подошёл молодой парень, и, очень низко склонившись, почти засунул туда лицо.

– Девушка, – робко позвал он, – простите, у вас есть, э... успокоительные средства? Мне все, какие есть! Я, понимаете ли, того... взволнован очень. Как увижу, так и волнуюсь...

Василиса засмеялась и так же низко наклонилась к окошку, и приблизила к нему лицо.

– Молодой человек, – сказала она успокоительно, – не переживайте. Я сама об этом позабочусь.

И она, нырнув головой в окошко, звонко поцеловала Руслана.

– Сейчас, Русь, меня сменит Валентин Петрович, и мы пойдём.

Они вышли из аптеки и, не спеша, пошли по городу, обняв друг друга за плечи.

В окнах квартиры Василисы горел свет. Неужели дети ещё не спят? Наверное, Елена сделала им какую-то поблажку.

Когда они вошли и увидели Елену со следами слёз на глазах, сидящую в прихожей на пуфике, с телефонной трубкой в руке, то сразу поняли: что-то случилось. Елена заплакала, увидев их, и Василиса бросилась к сестре.

Елена выпила принесённый ей стакан, и всё рассказала. Уже несколько раз она звонила в прокуратуру. Там сказали, что займутся вопросом на следующий день. Она звонила в Гороно, детей ведь забрали из их учреждения – из детсада. Там ответили, что на органы соцзащиты они не влияют. Куда ещё звонить, и в такое время?

Руслан и Василиса были поражены случившимся: неужели их прогулка в лес могла привести к таким последствиям!?

Руслан опомнился первый.

– Так, девочки, сейчас мы ни до кого не дозвонимся – нас все отфутболят спать, – сказал он, – Займёмся, не теряя времени, тем, чем можем. Неси ноутбук, Лена, сейчас пороемся в законах, и всё выясним. Просто мы многое не знаем, и в этом сейчас наш минус.

Елена включила ноутбук, а Василиса свой планшет. Они начали выискивать в Интернете, в бушующем море законодательства, интересующие их законы. К полуночи нарисовалась некая связная картина. Раньше детей изымали у родителей социально опасных – у алкоголиков, наркоманов, сектантов и ведущих безобразный образ жизни. А сейчас детей могут забирать по причине физического или морального наказания ребёнка (насилие над личностью называется), недостаточно высокого уровня жизни в семье, недостаточного количества внимания к ребёнку, или же просто по подозрению во всём вышеперечисленном. Они нашли множество комментариев людей, которые сталкивались с этим, и узнали, что детей из нормальных семей сейчас забирают тысячами. Беда в том, что именно эти дети будут очень востребованы на усыновление, и тогда произойдёт необратимое – ребёнка вполне могут увезти и за границу.

Дети пьяниц и наркоманом не вызовут интерес усыновителей, а дети, взятые из благополучной семьи – вполне. Отсюда следует, что надо как можно скорее установить контакт с Севой и Людмилкой. Место положения отобранных детей – святая тайна «ювенальной юстиции». Знающие люди писали, что детей сразу отправляют на обследование в больницу, а уже потом в места содержания, которые тоже утаиваются от родителей. Прошло ещё немного времени, значит, Сева и Людмила вполне могут быть в больнице.

Они выгнали из гаража Ниву, Руслан сел за руль, и они поехали в единственную в городе больницу. Там они сразу направились в отдельное детское подразделение, но там им сказали, что указанные дети не поступали. Однако, объяснили им, дети могут поступать не обязательно в детское, но и в другие специализированные подразделения – ожоговое, инфекционное и травматологию – это всё в общей больнице.

Ожоговое отделение и травматология отпадают, дети не пострадавшие, остаётся только инфекционное. Дежурный сказал, что в инфекционное отделение поступало несколько детей, но у него на столе на них нет данных. Эти данные не всегда оставляют. Если исходить из того, что они узнали об образе действий соцзащиты, то это похоже на сокрытие детей. Наверняка, они! Так же дежурный сказал, что в инфекционное они не попадут ни под каким предлогом. Запрещено!

– Сидите в машине! – сказал Руслан сёстрам, когда они вышли из больницы, – Я сейчас обойду вокруг корпуса и посмотрю их ходы-выходы.

Он нашёл открытым задний подъезд и прошёл в коридор второго этажа дальнего корпуса другим путём, минуя дежурного. Всё благодаря тому, что он предварительно изучил план-схему больницы на первом этаже. Он сразу увидел, в конце коридора, у дверей инфекционного отделения, бодрствующего на стуле охранника. Это был единственный проход в инфекционку. Есть ещё только лифт. Его двери он видел на первом этаже, и там, кажется, тоже охранник или дежурный медработник. Он решил спуститься и посмотреть ещё раз. Да, у лифта на первом этаже человек в белом халате. Доктор какой-то. Что же делать? Он опять поднялся выше и услышал с третьего этажа какие-то голоса. Голоса были тихие, мужской и женский, и иногда они обрывались тихим смехом. Руслан поднялся по лестничному пролёту выше и увидел в боковом коридоре аварийного выхода две фигуры. Это была молодая медсестра в белом халате, и парень в уличной одежде. Они обнимались и шептались. Руслан ещё немного постоял, слушая пошлости, которыми парень смешил медсестру, и вскоре сообразил, что можно сделать.

Он стал подниматься, уже не особо скрываясь, и застал милующуюся пару, что называется, врасплох. Они оба, враз, замерли.

– Ой, извините, – сказал Руслан, – Девушка, вы здесь работаете, да?

– Да, здесь, – испугано охнула медсестричка.

– Понимаете... Мне надо попасть в инфекционное, – и он изобразил на лице извинительную полуулыбку.

– Что вы, не положено! – ответила медсестра.

– Да мне, вот, к вашей там медсестричке надо... – и Руслан скромно потупился, глядя в пол.

– Это к какой-же? – живо заинтересовалась девушка.

– Извините... Можно, я без подробностей?

– А-а-а! – и медсестра растянулась в полнозубой улыбке, – Я, кажется, дога-а-адываюсь!

Ну-ну!

«Вот повезло, – подумал Руслан, – Угадал!»

– Ну, так как... к медсестричке попасть можно?

– Так, а кого позвать? А ну, да, секрет. Ну, что ж... Проведу! А назад пусть сама выводит.

И меня не палить! Дима, подожди тут.

Парень хмыкнул и присел на подоконник.

– Пошли, – сказала медсестра и повела Руслана в ординаторскую.

– Снимай обувь и одевай вот это, – сказала она, и дала ему мягкие коричневые тапочки для персонала, – это обязательно! Кроссовки здесь оставь. Теперь одевай халат, и застёгивайся, как положено, а не как посетитель. На, вот, папку возьми, типа ты умный и можешь лечить. Это тебе всё на выход потребуется – ну, типа, доктор уходит, чао! Хотя, какой из тебя доктор на вид! Скажешь, студент-практикант. Интерн! Во! Засиделся! А я проведу тебя за спиной охранника. Попробую. Готов? Идём!

Они вышли, и она завела его в проход к уборной.

– Как охранник за мной пройдёт, проскакивай в отделение, понял?

– Ага.

– Как зовут-то?

– Василий. Вася.

– Ну, удачи, Вася.

Медсестра ушла, и Руслан вскоре услышал:

– ...помогите, пожалуйста! Фрамуга эта тяжеленая в ординаторской опять отпала, а я её не подниму, что бы закрыть. Сквозняк же будет страшный опять. Когда нам окна поменяют, а? В онкологии, вот, уже поменяли...

Через десять секунд мимо быстро прошли медсестра и охранник. Руслан осторожно выглянул, и увидел, как они скрылись в ординаторской. Он сразу выбежал и мягко промчался до дверей инфекционки. Тапочки делали его безшумным. Дверь открылась легко. Он проскочил внутрь и аккуратно закрыл дверь за собой.

Вдаль уходил тёмный коридор. В конце виден свет из-под последних дверей. Руслан быстро прошёл туда, узнать, что там. Он услышал звук работающего телевизора. Понятно, дежурка какая-то. Это хорошо, что они телевизор смотрят. Теперь надо тихо обследовать палаты. Если что – он доктор. Палат по шесть с каждой стороны коридора. Он открыл дверь первой, от дежурки, палаты. Там темно, стоит четыре койки. Он вошёл и остановился посредине. Глаза привыкли к полумраку. На кроватях лежат взрослые, это сразу видно. Он быстро ушёл. Теперь палата напротив. Там две койки пустые, а на двух лежат взрослые. Третья палата – на койке лежит ребёнок! И двое взрослых на других койках. Руслан склонился над ребёнком. Это мальчик, совершенно незнакомый мальчик. В четвёртой опять взрослые. Пятая по счёту палата. Сначала Руслану показалось, что она пустая, но потом он понял, что одна койка занята, потому что рядом стоят большие мягкие игрушки. Он подошёл и увидел девочку. Людмила!

– Людмила, Людмила! – зашептал он.

Девочка вздрогнула и медленно поднялась. На ней была больничная пижама.

– Людмила, тихо, это я, Руслан!

И Людмила, вдруг, обхватила его за шею и прижалась.

– Мы уже идём домой! – чуть не крикнула она.

– Тихо, тихо! Где Сева, Людмила?

– Он в другой палате, нам вместе не разрешают.

– В какой?

– Я покажу.

Севу они нашли в предпоследней, от входа, палате. И здесь он был не один, рядом спал другой мальчик, приблизительно его возраста. Сева тоже очень обрадовался, увидев и Руслана и Людмилку.

– Мы не сможем пойти домой, – тихо сказал им Руслан, собрав их в тесный круг, – Вас охраняют, я с вами выйти не смогу. Но теперь мы знаем, где вы! Никому не проболтайте, что мы вас нашли – иначе вас так спрячут, что мы долго искать будем. Но мы вас всегда найдём! Что с вами было?

Сева рассказал, что у них взяли анализы, и забрали всю одежду. Их с Людмилкой держат порознь, сказали, что будут разрешать им видаться, если они не будут сами бегать друг к другу, а иначе вообще будут держать в разных местах. А этот мальчик рядом – бомж с улицы. Руслан был поражён: к родной сестре подойти нельзя, а рядом с бомжом жить можно!

– Как кормят? – спросил Руслан.

– Много и невкусно, – ответил Сева, – Вот он всё съедает, – и Сева показал на спящего мальчика.

– Руслан, а когда можно будет домой? – с надеждой спросила Людмила.

– Скоро. Только, самое главное, ведите себя спокойно, чтобы вас не разлучили.

– А мама придёт?

– Когда-нибудь и мама придёт. Сюда так просто нельзя, это же больница. А теперь давайте по палатам, мне надолго задерживаться нельзя.

Сеvu Руслан оставил на прежнем месте, а Людмилку повёл в её палату. Он уложил её в кровать, и тут услышал шаги в коридоре. Он быстро подбежал к двери и стал возле неё – дверь открывалась внутрь и могла прикрыть его. Он успел вовремя. Дверь открылась, и кто-то заглянул в палату, не заходя в неё. Людмила лежала тихо, как мышь. Руслан услышал шаги прямо рядом с собой и увидел толстую женскую фигуру в белом халате, которая прошла к Людмилиной кровати и склонилась над ней. Как они вовремя вернулись! Но сейчас она повернётся назад и увидит его возле двери! Он осторожно взял дверную ручку и медленно прикрыл себя дверью.

– Эй, – услышал он, и обмер.

Увидела!

– Эй, девочка. В туалет хочешь?

Он услышал отрицательное мычание Людмили.

– Нет, давай, вставай! В туалет сходить надо. И спи потом себе дальше.

Он услышал, как санитарка и Людмила вышли. Прошло несколько минут, и он снова услышал шаги. Дверь приоткрылась, и в палату проскользнула одна Людмила. Он услышал, как санитарка что-то буркнула и дверь закрылась. Людмила прошла к своей кровати и оглянулась на Руслана. Он сделал ей знак молчать и спать. Она легла в кровать.

Ещё минут десять Руслан слышал хождения санитарки по коридору, от палаты к палате, а потом наступила тишина. Он осторожно выглянул из палаты. В коридоре никого не было, и только из-под дверей дежурки светился голубоватый свет и бубнил телевизор. Самое время уходить.

Он быстро вышел из палаты и мягко пробежал к выходу. Здесь он остановился, сунул папку под мышку, сделал вдох-выдох и решительно открыл дверь. Охранник сидел на стуле, уставившись в телефон, но он тут же бодро поднял голову. Руслан, не особо торопясь, вышел, и, закрывая дверь, кивнул охраннику, устало проговорив:

– Добрый вечер...

– Добрый... – ответил охранник, глядя на него.

Руслан деловито переложил папку из одной руки в другую, и не спеша двинулся по коридору.

– Засиделся...

За спиной тишина. Охранник недолго смотрел ему вслед, а потом снова занялся своим телефоном.

Руслан добрался до ординаторской и никого там не застал. Он снял с себя больничное и надел всё своё. Папку он положил на стол и сунул в неё пятьдесят рублей. Потом он спустился вниз. Медсестра, которая провела его, в тёмном углу лестничной клетки целовалась с Димой, и они его не заметили. Руслан благополучно вышел из больницы.

Елена и Василиса ждали его в машине. Он рассказал им, как нашёл детей, и в каком положении они находятся. Было решено завтра с утра дежурить у больницы, чтобы отследить перемещение Севы и Людмилки

Норвежца из Барневарн звали Бьёрк. Он уже нашёл усыновителей для детей Лебедевых в Швеции. Его не волновало, что суд ещё не состоялся; из опыта работы Барневарн он знал, что можно доказать преступную нерадивость любых родителей.

В больнице уже оформили документы, удостоверяющие хорошее состояние здоровья детей, и детей перевезли в Дубовский детский дом. Руслан и Василиса на Ниве проследили за микроавтобусом, в котором их увезли Бьёрк и два соцработника.

Елена в это время была в Прокуратуре. Там она написала заявление о пропаже и похищении детей, и обвинила в этом воспитателей и заведующую детским садом. Заявление было принято.

Василиса позвонила Елене и сообщила, что дети в детском доме. Елена решила немедленно ехать туда. Её привезли на Ниве, и она сразу направилась к директору детдома.

Директор детского дома Артур Гусич был очень недоволен тем, что господин Бьёрк Инвик берётся распоряжаться воспитанниками, словно директор он. Но Гусичу от вышестоящего начальства было спущено распоряжение «перенимать опыт», и Бьёрк, по определению, был опытнее, и его предложения – это решения. Гусича смущало, что он именно «перенимает опыт», а не сотрудничает. Вот его коллега из Макаровского детдома, директор Л. А. Зуева, сотрудничает с международными попечителями детей, а не перенимает опыт, поэтому имеет некие премиальные проценты за каждого устроенного сироту. Гусич, конечно, тоже когда-то «дорастёт» до этого, но сначала надо, неизвестно как долго, «перенимать опыт». А пока он будет «перенимать», этот Бьёрк успеет, исключительно от своего имени, пристроить за бугром несколько детишек. Вот сейчас в детдом поступила парочка здоровеньких ребят с благополучными документами, и их уже готовы забрать. Это Бьёрк их привёз, он и отправит. А Гусич тут чисто технический функционер, который их здесь содержит и приводит в чувство (дети только из семьи).

Что? Кто там пришёл? Мать этих Лебедевых? Ничего себе! Как она здесь оказалась!?

Гусич был вынужден разрешить, и в его кабинет вошла молодая женщина. Директор уже был нервно напряжён и готов был принимать скандал, но, увидев вошедшую женщину, он не смог не заметить, как она красива. Такое Артур Гусич подмечал всегда, при любых обстоятельствах. Перед его глазами пролистались лица и личики всех воспитательниц и учительниц, которые работали в детдоме, и он нашёл, что вошедшая дама намного превосходит их всех по привлекательности. Чёрт, и вот с ним-то она любезничать и не собирается!

– Здравствуйте! Я Елена Лебедева! – поспешно представилась женщина, – В вашем детском доме мои дети – Всеволод и Людмила!

– Здравствуйте... С чего вы это взяли? – растеряно ответил директор, – Да, кстати, Артур... Гусич.

– Я знаю, что их перевезли сюда!

– Кто вам мог такое сказать? Присаживайтесь.

Елена понимала, что нельзя выдавать свои источники информации.

– Работники соцслужбы рассказали! – не моргнув глазом ответила она.

– Они не могли рассказать!

– Но я же здесь!

Пусть теперь этим работникам дадут чертей! Может быть, уволят – они того заслуживают, детокрады!

Гусич озадачено замолчал. Очень неприятно пререкаться с такой красивой женщиной.

– Ну, ладно, а что вы хотите, э, госпожа Лебедева?

– Я хочу увидеть своих детей.

– Это невозможно. Вы не имеете права контактировать с ними, без дозволения органов опеки.

– Как это? Я мать!

– Гм. Ваша роль матери может давать вам преимущество при определённых условиях, но вы сами, своими действиями, усугубляете своё положение, и ваша роль матери, в данном случае, становится именно вашим минусом.

– Не поняла?

Так, словесная казуистика начинает действовать. И Гусич продолжил:

– Да вы присядьте, Елена. Понимаете, ребёнок ценен для общества. А вы думаете, что только для вас. Вы – биологическая мать, только и всего. Вы получили право владеть ребёнком, по сути, просто так, природа такая. А вот общество получило это право своим трудом и заботой. Таким образом, общество, через спецорганы, действующие от имени общества, имеет преимущественное право на определение судьбы ребёнка. Ваше право матери общество не отрицает, но не ставит выше права общества, и если вы биологическая мать, то вам придётся просто показать обществу, что вы правильно обращаетесь с детьми этого общества, и всё – живите себе вместе.

Елена перевела дух и села на стул.

– И когда это произойдёт? – спросила она.

– Хм, дело в том, что вы сами уже усугубили своё положение, как я уже сказал. Вы появились здесь. Вас не вызывали. И вам не сообщали о местоположении детей, и это запрещено делать. Но вы узнали, где они. Знаете, как это называется? Преследование. Вы их преследуете.

– Что!?

– Суд именно так расценит ваши действия – если узнает о вашем визите. Я обязан сообщить об этом. Я буду привлечён к ответственности, если не сообщу об этом.

У Елены всё затряслось внутри. В груди начал сжиматься комок, готовый вырваться рыданием. Гусич догадывался об этом.

– Елена, – сказал он доверительно, – давайте встретимся за пределами этого кабинета, и обсудим, как мне безопасно НЕ доложить о вашем визите. Мы поговорим и обсудим, что мы с вами будем говорить, когда меня будут допрашивать на этот счёт, чтобы наши показания потом совпадали. И тогда я уверенно промолчу о вас. Повторяю, ваше появление здесь будет расцениваться, как некий экстремизм, а это совсем не в вашу пользу, и лучше, чтобы об этом не знали. Но вас здесь уже видели сотрудники. И теперь нам надо придумать согласованное объяснение.

– И что? – растерянно спросила Елена.

– Давайте встретимся в каком-нибудь уютном месте, не деловом, после десяти вечера. Что бы решить вопрос, нам хватит времени до утра. Здесь мы не решим ничего – вам нельзя сейчас здесь надолго задерживаться.

– Где? – строго спросила она.

– Давайте в ресторане гостиницы «Селена».

– Когда я увижу своих детей?

– Увидите, – мягко сказал Гусич, – Я же вам и сообщу, когда. Будете поддерживать со мной связь, и я вам сообщу. Как поддерживать связь мы договоримся при встрече.

Елена была растеряна. Соглашаться на предложение этого подлеца она не собиралась, но в его руках её дети, и её отказ может порвать последнюю ниточку связи с детьми. Он ведь понял, что их выследили, и пока это далось легко. Дальше он примет меры, чтобы детей стало невозможно найти. Она согласится, чтобы протянуть время.

– Хорошо, – вздохнула Елена, – но... завтра. У меня сейчас встреча с адвокатом, по этому делу. И, скорее всего, надолго. На связи будет муж. Завтра...

– Ну... ладно. Но если освободитесь до десяти, тогда позвоните вот по этому номеру. И Гусич протянул Елене очень простенькую визитку: красная карточка с номером телефона.

– А если нет, тогда завтра точно.

Елена взяла карточку.

– Вы что, не можете показать мне детей? – спросила она.

– Это не в моём праве, – развёл руками Гусич, – они находятся под юрисдикцией службы социальной защиты. А они запретили это делать.

Подавленная, Елена вышла из детдома и дошла до машины, которая стояла за квартал от него. Она молча села в салон, возле сестры. Руслан и Василиса молча посмотрели на неё.

– Я видела директора, – наконец сказала Елена, – Эта сволочь предлагает мне интим, за то, что он никому не скажет о моём посещении!

И Елена рассказала все подробности встречи с директором Дубовского детдома. Некоторое время все задумчиво молчали. Молчание нарушил Руслан:

– Я понял вот что. Что бы там директор не говорил, но он не имеет никакого интереса отдавать детей. Он заинтересован в том, что бы дети остались у них. Он участник в этой системе, он потому и поставлен директором, этот подонок. Воспитательский коллектив детдома может от него отличаться. Мы с Василисой тут разговаривали, надо установить наблюдение за детским домом, потому что детей могут вывезти и отсюда. Но за детдомом наблюдать сложнее, чем за больницей. Хорошо бы иметь связь с персоналом. Я уже Зайцу позвонил, и рассказал про нашу ситуацию. Заяц сказал, поможет, чем сможет.

– А сейчас что делать? – спросила Василиса.

– Завтра Гусич ждёт встречи со мной, – сказала Елена, – придётся идти, что бы протянуть время. За это время дети, наверняка, останутся на месте. Я ему не дам, что-то придумаю, обнадёжу его встречей на другой день.

– Включи там диктофон, – сказал Руслан, – это может пригодиться. Но сначала попытайся перенести встречу.

Глава 6. Похищение у похитителей

Бьёрк Инвик в очередной раз созвонился с усыновителями детей Лебедевых – это две шведские семьи. Он узнал, что там уже готовы все документы, удостоверяющие личности детей (их фотографии уже были переданы), осталось только доставить самих детей. Мальчика будут звать Томас, а девочку называли Эдда. Семьи живут в разных частях Швеции, так что они никогда не помешают друг другу; это хорошо – брат и сестра не смогут сговориться о каких-нибудь глупостях. Усыновители интересовались, давно ли детей изъяли из семей. Бьёрк позволил себе соврать, что давно. Сами дети что-либо объяснить смогут не скоро – языка не знают. Ну, если всё готово, то дело надо завершать поскорее.

Бьёрк позвонил, куда следует, и суд по делу об отторжении детей Лебедевых обещали провести послезавтра. Это значит, что детей можно увозить уже хоть сейчас – соответствующие юридические нормы по линии соцслужб существуют.

Когда Елена вернулась домой, она уже обнаружила в почтовом ящике повестку в суд. Она бы и не получила её, и суд бы состоялся без её участия, если бы она не ходила в Прокуратуру и не писала там заявление, продублированное в различных инстанциях. В результате судья был вынужден выписать ей повестку.

Руслан говорил, надо попробовать перенести встречу с Гусичем. Она набрала номер директора детдома.

– Я встречалась с адвокатом, – сказала она, – мне пришла повестка в суд. Я не смогу с вами встретиться завтра, потому что адвокат мне предложил то же самое, что и вы, и тогда он решит дело.

– Я тоже могу иметь голос в суде, – намёком ответил Гусич.

– Я понимаю, – ответила Елена.

– Так что же со мной?

– С вами на следующий день, после адвоката.

Гусич хохотнул.

– А что мне делать? – возмутилась Елена.

– Ну, хорошо, хорошо. Ладно, тогда адвокат вперёд, а потом я, – согласился Гусич.

И в тот же день к директору в кабинет явились двое: высокая зрелая женщина и низковатый мужчина. Это были супруги Плесковы. Они сказали Гусичу, что уже обращались в детдом по поводу усыновления ребёнка... Ах, да! – у Гусича сразу всплыло в памяти, то, что он умудрился забыть: муж и жена Плесковы, состоятельные люди, желают усыновить пару детей, желательно мальчика и девочку... Как он мог забыть?

– ...и вы говорили, что к вам, как раз, поступило двое таких детей.

– Говорил? Ах, да...

Он же сам распорядился ставить Плесковых в известность... Вот незадача! Им и сообщили... Хотя, почему незадача – он вполне может отдать Лебедевых Плесковым, пока Бьёрк не получил, со дня на день, готовые иностранные документы детей. Придут документы детей – и всё, они уже другие дети, с родителями за бугром, а без этих документов они ещё Лебедевы, воспитанники детдома Гусича. Если успеет, получит немаленькую копейку от Плесковых, как договаривались. И пусть Бьёрк обижается, сколько хочет, но Гусич тут всё сделает тоже законно – Плесковы уже давно представили все необходимые документы, дающие им право на усыновление. Суд, наверняка, отторгнет детей у Елены Лебедевой. Надо только перед тем встретиться с ней. Вкуснейшая женщина!

Весь день Елена, Василиса и Руслан занимались юридической подготовкой к суду. Искать адвоката не было ни времени, ни средств. Одновременно готовили Елену к встрече с Гусичем.

Василиса принесла Елене целый арсенал «фармакологического оружия»: различные наркосодержащие препараты успокоительного, подавляющего, и галлюциногенного действия. Там же было элементарное снотворное, слабительное, и, на крайний случай, четыре ампулы клофелина. Это всё для Гусича. Василиса проинструктировала сестру, как пользоваться каждым препаратом. Ставилась задача так угостить «кавалера», что бы он на следующий день был уверен, что провёл феерическую ночь с красавицей. В случае опасного поведения следовало применить «вырубающие» препараты, а все остальные подложить ему, и навести на него полицию.

Гусич созвонился с Плесковыми, и поведал им, что на хорошеньких деток Лебедевых положили глаз ещё двое претендентов. Если они желают их заполучить, то забирать их надо сразу после суда, когда судебное решение уже будет в руках. А написано в этом решении будет, что детей следует содержать в государственном учреждении (детском доме), или немедленно определить в приёмную семью. Кто успеет, тот и папа. И мама тоже. Само собой, необходимо принести наличность, как договаривались, и разрешительные документы, конечно, не забыть. Плесковы ответили, что деньги будут вручены Гусичу непосредственно при передаче детей, не раньше. Гусичу было досадно, но он отнёсся с пониманием к опасениям клиентов.

А сегодня у него встреча с Еленой! Надо будет постараться, что бы и ей доставить удовольствие – её ведь ждёт впереди неутешительное решение суда, скорее всего, уже на следующий день. Так быстро! Потому-то Артур Гусич и не успел ничего предпринять – это будет очевидно и понятно, и она не сможет держать на него зла. А он, может быть, ещё и утешит её потом, если она хорошо будет вспоминать сегодняшнюю встречу. Да, сегодня, определённо, надо будет потрудиться над дамой, она того стоит!

Тщательно приведя себя в порядок, он явился в ресторан «Селена» к назначенному времени и занял отдельный столик. Не сильно опоздав, появилась и Елена. Одетая она была весьма просто – на ней был один из её деловых костюмов, в котором она ходит на работу. Не ярко и не броско, но стильно. Одевать нечто особое для такой встречи – сильно много чести. А Гусич ожидал вечернее платье, или что-то вроде того. Увиденное его немного разочаровало – под таким костюмом воображение нарисовало ему обыденное дешёвое нижнее бельё, вместо тонкого кружевного и полупрозрачного. Ну, ладно, чёрт с ней – поскорее снимет, и все дела.

Поднявшись к ней навстречу, он пытался поцеловать ей руку, но был посажен на место, и Елена сама села напротив.

– Ну, что, как дети? – спросила она.

– Да всё нормально, Елена, – ответил он, – уход хороший, состояние нормальное. Воспитатели грамотные, дети в покое, им всё объяснили, что всё будет улажено. Вот сейчас мы и улаживаем...

– Ну, что?

– Ты же помнишь суть вопроса – надо «аннулировать» твой визит в мой кабинет.

– Чтобы ты всё забыл?

Елена сразу начала играть в поддавки, тоже перейдя на «ты».

– Ну, да.

– И для этого надо посетить другой кабинет?

– Умница! Номер.

– Ну, так о чём разговор?

– Тогда пошли! В самом деле...

Они встали.

– А что-нибудь «для храбрости» нельзя прихватить? – спросила Елена, – И побольше.

– Не вопрос!

Гусич взял две бутылки шампанского, коробку конфет, и большую пачку сока. С этим грузом они отправились в заранее забронированный номер на третьем этаже. Гусич всегда снимал этот номер...

Руслан и Василиса, они просто молча стояли посреди кухни, обнявшись. Василиса не находила себе места и держалась за Руслана, как за каменный столб, чтобы её не унесло куда-то. Её терзали мысли о Елене – где она сейчас с этим Гусичем, и что с ней происходит.

– Всё началось с того, что я потащил вас в лес... – нарушил молчание Руслан.

Василиса прижалась щекой к его плечу.

– Нет, Русь... – ответила она, – просто мы нарвались на эту систему. А ещё у меня такое чувство, что кто-то позавидовал.

– И сдал?

– Да. Достаточно только сказать, что там-то с детьми плохо обращаются.

– Будет суд, – сказал Руслан, – значит, они намерены разобраться. Есть очевидное – с детьми всегда обращались хорошо, надо только это показать.

– Да это все свидетели покажут! – отчаянно сказала Василиса, – Но почему они зацепились за этот случай, когда дети вымокли под дождём?! Это ситуация, от которой никто не застрахован – раз! – и дождь тебе! Это предлог, а они уже всё решили!

Руслан и сам чувствовал, что суд нужен только для утверждения определённого решения. Опричники ювенальной юстиции уже приняли меры, чтобы дети не вернулись к родителям – Руслану было страшно высказать эту мысль.

Вернулась Елена, сдержано нервная.

– Всё, с директором управилась, – сказала она, усаживаясь за кухонный стол, – он вырубился и спит в нирване. Остатки препаратов я, по пути, выбросила в мусорку. Не знаю, чем это закончится. На встречу прийти пришла, а какие у него будут «воспоминания» на следующий день, не знаю.

Елена рассказала, что происходило в гостиничном номере. Отправив этого дурака в душ, она наколола препаратами конфеты, и добавила в шампанское.

– Дозировку не превышала? – спросила Василиса, когда узнала, что именно досталось Гусичу.

– Нет, Вась, всё по твоим предписаниям.

– Тогда память отшибёт полностью, при сохранении удовлетворительного самочувствия. Эту композицию препаратов с алкоголем я ещё по «скорой помощи» знаю – поступали к нам такие счастливые.

– Придётся ему ещё и позвонить, – с отвращением сказала Елена, – чтобы не сомневался... И как мог такой гадёныш оказаться во главе детского учреждения?

– Его другие гадёныши поставили, – сказал Руслан.

– Мы должны вытащить оттуда моих детей! – сказала Елена, – Если Гусич не обеспечит их сохранение в детском доме, и их увезут, я выложу ему всё, что сняла в номере и записала на диктофон. Это потом узнают все! И вылетит он из своего кабинета!

– Позвони, обязательно, перед судом, – сказала Василиса, – может быть, гадёныш какую-нибудь утечку информации выдаст.

Артур Гусич не помнил, как он ушёл утром из гостиницы, ему только чудилось, что он уходил под гром фанфар и приветственные крики. На работу он пришёл, что называется «не весь»: его память блуждала где-то вдалеке от него. Он очень хотел вспомнить подробности бурной ночи, проведённой с Еленой, но не мог. Только фанфары в голове. Он ещё вспомнил, как после пробуждения ходил голый по номеру, всюду натываясь на следы их развлечений, и пытался вспоминать, «как было вот это». В теле была лёгкая расслабленность и ломота – зна-

чит, «было» фантастически! И Гусич, наконец-то, наполнился гордостью и удовлетворением. Эх, ещё бы и памяти!

Вдруг, позвонила Елена Лебедева.

– Ну, что, я чиста перед законом? – спросила она.

– Уммм, – томно промямлил Гусич, – Ну, конечно, Лена! Только мы, как-то, даже не поговорили толком по делу... Мне даже как-то неловко.

– Всё и так понятно, чего ещё говорить: я всё отрицаю, и вы тоже: я у вас не была.

– Ну... хорошо. Э-э...

– Что там с судом? – перебила его Елена, – Какие остаются ко мне претензии?

– Ни каких претензий, только исходные, по сути дела – об обращении с детьми.

– Дети в суде будут?

– Нет, не положено. Но они были опрошены, и это будет представлено суду.

– Что они говорят?

– Говорят, что любят маму и папу.

– Кто ещё будет в суде?

– Ну, вероятно, кто-то из детского сада. Сигнал же поступил оттуда.

– Ну, я так и знала, что оттуда! С чего они взяли, что я плохо забочусь о детях?

– Из рассказа твоих детей.

– То есть, прямого свидетельства у них нет?

– А это надо в суде услышать, не знаю.

– Значит, нет.

Судебное заседание было назначено на одиннадцать часов, началось в двенадцать, и проходило оно в самой маленькой комнате судебных заседаний в здании городского суда. В зале присутствовали фигуранты дела: Елена, Василиса и социальный работник Департамента соцзащиты. В суд была вызвана и заведующая детским садом. Она чуть в обморок не упала, когда увидела в судебной комнате Елену, мать Севы и Людмилы. Она боялась смотреть в её сторону, потому что предвидела, чем дело закончится. С Еленой ещё и сестра была. Елена хотела привести и журналистов местной газеты, но судебное заседание объявили закрытым; как пояснила судья, во избежание излишнего психологического давления на фигурантов дела – в таких делах, как это, часто всё замешано на эмоциях. Но в зале присутствовали «нейтральные лица» – четыре студента-юриста, которые проходят практику, и пришли посмотреть на суд, и Бьёрк Инвик, который ещё в Норвегии пристрастился наблюдать за истериками родителей в суде, и здесь тоже не смог отказать себе в удовлетворении. Поскольку он был иностранец, не говорящий по-русски, его допустили на заседание, тем более что он имеет отношение к соцслужбам, и за него попросили.

Как и положено, был назначен государственный бесплатный адвокат, на лице которого было выразительно написано, до какой степени он сейчас бесплатный и какое всё вокруг фиолетовое.

Заседание началось. Судья объявила о рассмотрении иска Дубовского Департамента службы социальной защиты населения РФ о взятии под государственную защиту несовершеннолетних Лебедева Всеволода Игоревича и Лебедевой Людмилы Игоревны.

Государственный обвинитель изложил факт промокания детей под дождём, с которого всё и началось, и выразил подозрение, что такое отношение может быть систематическим. Именно это суд и начал выяснять.

Выяснилось, что Елена, мать детей, оказалась вообще последней, кто узнал о том, что дети промокли, поскольку она доверила их другим людям. Кто эти люди? Это, присутствующая здесь, сестра Елены, Василиса Белосветова, и некий Руслан Хромов, на заседании отсутствующий. Мать доверила им детей на том основании, что считает их ответственными людьми.

– Ну, и как же поступили эти ответственные люди с детьми, если дети промокли под холодным дождём? – спросил обвинитель.

– Они были приняты в доме Руслана, – ответила Елена, – согреты, накормлены и уложены спать. Я была поставлена в известность. Утром я их приняла в добром здравии.

Тогда, в качестве свидетеля, в зал была вызвана детсадовская врач. Её спросили о состоянии детей после тех выходных. Она ответила, что дети были здоровы, но в лёгких наблюдались хрипы, о причине которых она ничего утверждать не может. Сами дети рассказывали, что накануне промокли под дождём. Подобный случай врач расценила как потенциально опасный для здоровья. Данные двое детей не часто болеют, редко пропускают детский сад, то есть имеют крепкий задаток здоровья, что, видимо, их и уберегло тогда от простуды.

– Извините, – встрял адвокат, – но дети говорили, что их согрели и оказали необходимую помощь. Прошу учитывать!

– Какая помощь была оказана детям? – спросил гособвинитель у Василисы.

– Горячий душ, тёплая сухая одежда, и, в изобилии чай с мёдом.

– Я говорю про помощь, Василиса Викторовна. Что детям давали для защиты от простуды, какие медикаменты?

– Зачем им медикаменты? – отвечала Василиса, – Горячего чая с мёдом и маслом вполне достаточно, если они ещё не заболели. Излишняя химия детям ни к чему. Я же фармацевт, и знаю.

– Тем более! Вы – фармацевт, и должны знать, что существуют соответствующие препараты, и не применили ничего! А вместо этого занялись самолечением! Это простительно неспециалистам, которые могут в этом не разбираться и лечатся, чем придётся – чаем. Но вы, как профессионал, должны были поступить профессионально – дать детям препараты, а вместо этого дети получили не квалифицированную помощь, а чай с мёдом! И мать детей ещё утверждает, что это – ответственные люди! Вам кто-то не позволил оказать квалифицированную помощь?

Елена и Василиса опешили от этой тирады обвинителя.

– Мне никто ничего не запрещал! – ответила Василиса.

– Ваша честь, – обратилась Елена к судье, – но детям вполне помогло то, что им было предоставлено.

– И я вполне могу разобраться, когда нужна помощь соответствующего уровня, – продолжила Василиса, – В данном случае требовалась помощь в виде добротного полноценного ухода. И этот уход был предоставлен.

– Но это было не дома, – сказал обвинитель.

– Ну и что?

– Где это происходило?

– В доме Руслана Хромова.

– Кто вам гражданин Хромов?

– Это мой парень! – с гордостью ответила Василиса.

– То есть, у вас с ним отношения?

– Да, давно и серьёзно.

– И вы все ночевали у Хромова?

– Да.

– Ваша честь, – обратился гособвинитель, – по всей видимости, гражданка Белосветова была больше занята личными отношениями с гражданином Хромовым, а не детьми. Прошу обратить внимание, что гражданка Белосветова на три года старше Хромова, и может иметь интерес к усиленной борьбе за его внимание.

Василиса задохнулась от возмущения. На глазах суд превращался в какое-то грязное копанье, где факты простой человеческой жизни выдавали за некие злые умыслы и дурные

побуждения. До чего они ещё дальше договорятся!? Этот гособвинитель – опытный болтун. Всё, что скажешь, он может вывернуть всяким образом.

Были вызваны следующие свидетели: соседи Елены и Василисы.

Соседи Елены рассказали, что дети по месту прописки проживают редко, по причине долгого отсутствия отца. А соседи Василисы подтвердили, что дети живут, в основном, у неё, в квартире Белосветовых, и что молодой человек систематически провожает и посещает Василису. Из всего был сделан вывод, что Василиса Белосветова в любое время суток плотно занята отношениями с Русланом Хромовым, и она не может быть толковой нянькой для несовершеннолетних детей. Елена Лебедева должна была это знать и не доверять детей Василисе за пределами города.

Теперь Василиса убедилась, что её соседи уже давно играют свою подлую роль в этом деле, а здесь они её только доигрывают.

Была опрошена заведующая детсадом. Она пересказала, с листка, показания воспитатель. Было отмечено, что дети в своих рассказах неоднократно упоминали Руслана.

– Это ненормально! – встала ранее молчавшая социалка, – Это ненормально, когда из уст ребёнка слово «мама» звучит реже, чем «Руслан». Что это за семья такая? Какая роль матери!? Кто этим детям Руслан? Больше, чем мать?

– Боже, какую чушь она несёт! – прошептала Елена.

– Я протестую! – включился адвокат, – Руслан Хромов – друг семьи.

– Это мы и так знаем, – остановила его судья, – Суд удаляется на совещание.

Судья и все, кто сидели там, рядом с судьёй, встали и ушли в совещательную комнату, а все вызванные свидетели поспешили убраться из комнаты суда, стараясь не смотреть на Елену.

– Хорошо, что Руслана не вызвали, – сказала Елене Василиса, – а то бы этот обвинитель и из его слов тоже выжал какую-нибудь гадость.

– Похоже, и того что есть, достаточно будет, – грустно сказала Елена.

Судья со свитой вернулась через 15 минут, и суд объявил своё решение.

Суд решил признать действия Елены Лебедевой в отношении своих детей опасными для их здоровья и морального состояния, что выразилось в доверении детей на попечение безответственных лиц. Суд постановил передать детей Елены Лебедевой под опеку государственного детского учреждения (детский дом) сроком на шесть месяцев. В течение этого срока с Еленой Лебедевой следует проводить воспитательно-профилактическую работу, а судьба детей на протяжении этого срока будет определяться текущими обстоятельствами и исключительно в интересах детей. Во избежание морального травмирования детей, родителям и родственникам запрещено видаться с детьми на протяжении этого срока. Елена Лебедева обязана платить государству алименты на содержание детей в течение того же срока. По истечении срока суд рассмотрит вопрос о готовности матери принять детей обратно в семью.

С копией судебного решения в руках, Елена и Василиса вышли из здания суда. Елена еле сдерживала слёзы – её не просто разлучили с детьми, а ещё и унизили.

Руслан их ждал возле машины. Он догадывался, что решит суд, но не представлял в каком виде. Они сели в машину, и Руслан быстро просмотрел бумагу, запечатлевшую решение суда.

– Так, формулировки знакомые, – сказал он, – в Интернете уже видел, и они поддаются расшифровке. В общем, так, это означает, что на протяжении шести месяцев детям могут подыскать приёмную семью, для более комфортного, чем в детском доме, содержания. И эта семья будет иметь на детей больше прав, чем родная мать, говорю открытым текстом, скрывать нет смысла. И если дети им понравятся, то они могут просить об усыновлении детей, и эта просьба, скорее всего, будет удовлетворена. По современным законам приёмная семья может быть откуда угодно, то есть и заграничная тоже.

Зажав рот рукой, Елена начала тихо плакать. Василиса обняла её.

– Наша текущая задача такая, – продолжал Руслан, – подать апелляцию – есть шанс, что пока она будет рассматриваться, дети будут неприкосновенны. Следующее, установить любой ценой наблюдение за детьми, что бы отслеживать их возможное перемещение. Здесь кое-что нам светит: Заяц сообщил мне, что у его друзей есть один молодой друг, выпускник Дубовского детдома. Он там всё и всех знает, может заходить туда, вроде как в гости. Он берётся узнать про детей.

– Тогда немедленно свяжись с ним, Русь! – попросила Василиса.

– Этим и займусь.

– Только сразу отвези нас домой, Лене надо успокоиться.

– Хорошо, едем.

Руслан завёл машину и тронулся с места. Он привёз сестёр домой, и поехал к Заяцу, предварительно с ним созвонившись. Пока он до него доехал, Заяц уже созвонился с кем надо. Заяц сел в Ниву и сказал:

– Значит так, сейчас едем к Димке, это тот детдомовец. В общих чертах он уже в курсе вопроса. В силу своей биографии, проявляет большое сочувствие. Димка там был на хорошем счету. Кроме того, в последний год своего пребывания он там завёл шуры-муры с одной малолеткой из седьмого класса, и после выпуска продолжает к ней бегать на свиданки. Она сейчас уже большая девка, зрелая, в следующем году выпускается из детдома. Она там у него и глаза и уши, и вожатая в младших классах.

Они поехали по указанному Заяцем адресу, и оказались у пятиэтажного дома – «малосемейки». В таких домах давали квартиры детдомовцам. Дверь квартиры номер «5» им открыл молодой человек, которого Руслан сразу узнал.

– Это Дима, – представил Заяц.

– Я в курсе... – сказал Руслан.

– А... а это Руслан...

– А говорил, что Вася! – сказал Дима.

Это был тот самый Дима, с которым целовалась медсестра в больнице.

– Знакомы? – удивился Заяц.

– Ну, что, нашёл свою медсестричку? – спросил Дима, пропуская их в квартиру.

– На самом деле я не к медсестричке приходил, а как раз по этому делу, которым мы сейчас и занимаемся. Там были наши дети, в инфекционном, и мне надо было попасть туда любым способом.

– Ах, вот оно что! Нашёл детей?

– Нашёл. Спасибо твоей медсестричке, провела. Только ты ей не говори об этом, пусть думает, что я на свидание ходил. Если узнают, нас прижать могут – преследование детей!

– Я всё понял, – серьёзно ответил Дима, – никто ничего не узнает. Говори, что от меня требуется?

Гусич уже знал о решении суда, и сообщил Плесковым, что они могут забрать детей. Бьёрк со своими бумагами из Швеции опаздывал на несколько дней, а без них детей не выпустят из страны. По этим бумагам эти дети будут уже шведами, и их должны будут выпустить «домой». А пока дома они здесь.

Плесковы просили приготовить детей на послезавтра. Они всё принесут, и деньги и бумаги. Дети должны уехать с ними сразу. Гусич обещал всё исполнить.

Тем временем бывший детдомовец Дима появился под окнами учебного корпуса. Он знал, что сейчас где-то там находится его Марина. У неё были проблемы с экзаменами, и она готовилась к пересдаче. Спустя полчаса Марина случайно увидела в окне Диму, бродящего под деревьями сада, и решительно отпросилась с занятий, сказав, что плохо себя чувствует

и ей надо в медпункт. Она вышла из заднего подъезда и поманила его за собой. Они зашли за угол и сочно поцеловались.

– А теперь пошли за мной! – обрадовано позвала Марина, – Мне надо двигаться к медпункту, я туда отпрашивалась.

– Пошли. Марин, у меня дело к тебе серьёзное.

– Дим, у меня тоже серьёзное дело, там и поговорим.

Медпункт был в спортивном корпусе. Там же была раздевалка спортзала, в которую они и направились. В этой раздевалке часто многие пары назначали встречи. Шкафчики в раздевалке создавали как бы множество комнат, в которых и уединялись воспитанники детдома.

Марина завела его в отделение, где был её шкафчик. Она уселась на подоконник, и он подсел рядом.

– Я соскучилась, – прошептала она, – Вот какое у меня дело!

– Прости...

– Когда ты был последний раз... – тихо говорила она.

– Дней десять назад...

– Вот именно! Десять дней! Ты что, издеваешься? Мне экзамены сдавать надо, а ты не приходишь! В голову ничего не лезет! Сосредоточиться не могу! В школе так хорошо училась весь год, и вдруг не могу сдать экзамены! Что же, я им скажу, что мне скучно в их компании, ко мне Дима не приходит?

Дима приклонился к ней и принялся долго и с наслаждением расцеловывать её губы. Он уже знал, что Марина большего и не позволит, и уже давно научился наслаждаться изысканным целованием с ней. Да, он давно не появлялся у неё – посвящал время медсестре из больницы. Только совсем недавно он затащил её в постель, и она теперь приглашала его каждый день. А ведь он сразил медсестру именно умением целоваться, чему научился у Марины.

Насладившись Димой, Марина перевела дух и спросила:

– Ну, что там у тебя, Димочка?

Дима изложил ей суть дела и рассказал всё, что знал о детях Лебедевых. Он показал Марине их фотографии.

– Дима, принято! – сказала Марина, – Я обязательно узнаю всё-всё-всё! И сразу доложу.

Проводив Диму, Марина вернулась в класс в приподнятом настроении и в тревожном волнении от порученного дела. Она была готова сдавать математику хоть завтра, но ей назначено было через три дня.

Договорившись с Димой, Руслан приехал обратно, поставил машину в гараж, и поднялся в квартиру Василисы.

Елена сидела в кресле с потерянным видом, глядя в пустоту. В руках она держала игрушечного мишку. Василиса медленно расхаживала по комнате. Она открыла дверь Руслану, и провела его в комнату. Руслан рассказал о встрече с Димой, который берётся организовать разведку детей в детском доме, и продолжил:

– А теперь вот ещё что. Очередь усыновителей существует всегда. Эти люди выбирают. И если очередь существует, значит, детдомовские дети чем-то им не подходят. Стало быть, наши могут там ненадолго задержаться. По современным гестаповским законам ювенальной юстиции родителей не обязательно лишать родительских прав, что бы отдать детей кому-то другому. Напротив, статус родителя остаётся, что бы алименты платили усыновителям. В конце концов, родительских прав могут лишить и задним числом. Эта система имеет широкие полномочия, а чиновники, которые её продвигают, все сидят на зарубежных грантах. Я подумал, пока ехал... Нам надо действовать на опережение. Поскольку усыновители неизбежно придут смотреть детей, рано или поздно, мы должны сами это сделать впереди всех.

– Как это? – не поняла Елена.

Руслан задумчиво замолчал, и повернулся к Василисе, которая сидела рядом с ним, на диване.

– Мы с Василисой поженимся! – решительно сказал он, – И попытаемся усыновить детей, как супружеская пара. Прости, Василиса, я хотел, предложить тебе руку и сердце совсем не при таких обстоятельствах, но так уж сложилось всё.

Василиса молча положила голову на плечо Руслана и всхлипнула. Он взял её руку и накрыл своей ладонью.

– Мой отец завещал мне немаленькую сумму денег, – продолжал Руслан, – Согласно завещанию, я получаю эти средства в случае создания семьи. Итак, мы сможем продемонстрировать комиссии, или что там у них, удовлетворительную материальную состоятельность. Кроме того, у Василисы трёхкомнатная квартира, а у меня двухкомнатная – по жилплощади отличный показатель. Ходатайство об усыновлении вряд ли будут рассматривать те юристы, которые сегодня нас судили, так что мы не будем узнаны как «фигуранты дела». Фамилия Хромов на суде упоминалась эпизодически, и её тоже вряд ли вспомнят. Мы хорошие кандидаты в усыновители.

– Ты смелый мужчина, Руслан, – тихо сказала Василиса, – Ты готов перекрыть свою жизнь, хотя имеешь очень широкий выбор...

– Она уже перекроена, Василиса, четыре месяца назад. Поверь, я мечтаю вечно быть с тобой!

Елена, впервые за это время, улыбнулась.

– Вы ни в чём не виноваты, но вы же и причина всего, – сказала она, вставая, – Наверное, это путь, который надо пройти.

Она подошла к Руслану и поцеловала его в щёку, так же, как это делает Василиса.

– Спасибо, Русь, – сказала Елена, – Василиса, что ты скажешь?

– Я согласна, – тихо ответила она, закрыла глаза и прижалась лицом к щеке Руслана.

Он обнял её за плечи.

– Я вызвала Игоря, – сообщила Елена, – он будет через несколько дней. Апелляцию будут рассматривать уже с его участием.

Плесковы явились очень быстро. Принесли все документы и отдали Гусичу пачку копий, а так же две пачки денег по 100 000 рублей в каждой. Гусич вручил им, уже оформленные для них, документы на детей. Плесковы попросили собрать детей немедленно.

Сборы были нехитрые – одна сумка вещей на двоих. И об этом уже знала Марина. Выполняя Димкино задание, она смогла получить доступ в специальный реабилитационный корпус, где сейчас находились Лебедевы. Для этого ей пришлось пофлиртовать с физкультурником, который был вхож во все подразделения детского дома, поскольку дружил со всем женским коллективом очень близко. Узнав, что детей уже сегодня отправляют из детского дома, Марина немедленно позвонила Диме, а он позвонил Руслану.

Сева и Людмила снова оказались вместе, в какой-то опрятной комнате с игрушками на полках. До того их держали порознь, на разных этажах здания. Один раз, когда Людмила плакала, ей дали успокоительное. Причём спросили, как ей дать: таблеточкой, или укольчиком? Ненавязчивый такой намёк на жёсткие меры. Поэтому, когда она снова увидела Севу, она даже побоялась заплакать от радости. Обнявшись с сестрой, Сева спросил:

– Людмила, тебе сказали, что у нас будут новые родители?

– Да. Кто это? И где наша мама?

– У нас не может быть новых родителей! – ответил Сева, – У нас и так есть мама и папа. Врут они всё!

– Мне тётки говорили, что мы с тобой всегда будем вместе, если у нас будут новые родители.

Детей специально держали отдельно, чтобы «новые родители» стали для них благодетелями, которые их соединили.

В это время, на первом этаже реабилитационного корпуса, инструктор-психолог консультировала Плесковых, как вести себя именно с этими детьми, что нужно делать, что бы поскорее найти с ними общий язык. Она проходила курс обучения по этому вопросу в Европе и в Москве.

– Извините, – сказал Плесков, морщась, – но у них ведь есть родители, не так ли? Кто они и где?

– Фактически, только мать, – ответила психолог, – отец подолгу в отъезде. Эти дети очень склонны доверяться другим людям, воспользуйтесь этим.

– Так кто же родители? – спросила Плескова.

– Люди нормальные, не сомневайтесь, без дурной наследственности. Семья культурная, привычки благополучные. Подмечайте это, и всегда хвалите детей за все проявления благополучного и благоразумного поведения.

– Это очень хорошо, – сказала Плескова, – но хорошо бы, так сказать, заочно познакомиться с этими людьми с хорошей наследственностью, как вы выразились.

– Я не знаю этих людей, – ответила психолог, – только со слов детей, это ограниченная информация, к которой имеет доступ очень узкий круг людей. Дети могут рассказать сами о своих родителях, но я не советую их об этом просить – это очень затруднит отвыкание.

В сопровождении психолога Плесковы пошли знакомиться и забирать детей. Они поднялись на третий этаж, и вошли в комнату, где дети Лебедевых ждали своей участи.

Сева и Людмила сидели на скамеечке в комнате ожидания и уже молчали, ни о чём не разговаривая, когда за дверью послышались шаги. Дверь открылась и в комнату вошла та самая тётка-психолог, которая все эти дни промывала им мозги, и ещё двое – девушка и молодая женщина.

Женщина и девушка были одеты в одежду, напоминающую походную экипировку: обе были в штанах и лёгких подпоясанных куртках светло-зелёного цвета, из грубой ткани, вроде холстины. На ногах у них были мягкие кожаные ботинки со шнурками, напоминающие мокасины. Русые волосы у обоих охвачены пояском и заплетены в косы. У женщины на плече висел небольшой коричневый рюкзак, а у девушки – кожаная сумка на ремне.

– Здравствуйте, – тихо сказала детям девушка.

– Здравствуйте, – так же тихо сказала женщина.

Удивлённые дети молчали.

– Детки, – улыбаясь, сказала психолог, – это Валентин Валерьевич, – и она указала на девушку.

Девушка улыбнулась и подмигнула детям.

– А это Мария Кирилловна, – психолог представила женщину, – или Маша.

Дети напрочь потеряли дар речи.

– Мы немножко посидим наедине и пойдём, – сказала «Валентин Валерьевич» психологу.

– Да, да, конечно, Валентин Валерьевич, познакомьтесь. Я буду в коридоре.

И психолог вышла.

Когда дверь закрылась, странные гости подошли к детям поближе и присели перед ними на корточки, ласково улыбаясь. У обеих, и у девушки, и у женщины, были совершенно одинаковые глаза.

– Мы вас знаем, – доверительно сказала женщина, – ты Сева, а ты Людмила. Мы знаем вашу маму и вашего папу. Но сейчас мы не можем вас отвести к ним. Сейчас мы можем только увести вас отсюда. Если вы не уйдёте с нами, вас заберут другие люди. И никогда не вернут.

– Так вы хотите отдать нас маме и папе? – обрадовались Сева и Людмила.

– Тихо! Хотим. Но этого никто не должен знать, иначе нам не позволят это сделать. Сейчас мы все уйдём отсюда. Не надо с нами разговаривать. Просто идите с нами. Но если что, то я – «Валентин Валерьевич», а она – «Мария Кирилловна».

Они поднялись, и дети тоже встали со скамеечки. Девушка взяла сумку с их вещами, и все направились к двери.

За дверью их ждала психолог.

– Севочка, Людочка, вы познакомились с Валентином Валерьевичем и Марией Кирилловной? – спросила она дружелюбно у детей.

Те одновременно кивнули.

– Очень располагающие детки, – сказала ей девушка.

– Ну, вот, вы найдёте общий язык! – обрадовалась психолог, – Я сделала всё, что смогла.

– Вы сделали немало, спасибо вам, – ответила женщина, – Ну, теперь мы пойдём.

– Думаю, вы, Валентин Валерьевич, будете прекрасным отцом! – мило улыбнулась «Плескову» тётка-психолог.

Потом психолог излилась изысканными прощаниями и пожеланиями счастья, после чего дети и странная пара, забирающая их, направились к выходу. За этой сценой наблюдала из-за угла Марина. Она была весьма озадачена: по данным местной агентуры, детей должны были забирать семейная пара – мужчина и женщина, а тут она увидела только две молодые женщины, одна совсем молодая, и одеты во что-то вроде униформы. Марина быстро помчалась к запасному выходу, чтобы продолжить слежку снаружи.

Все четверо уже подходили к воротам детского дома, чтобы покинуть его территорию, и столкнулись, нос к носу, с Бьёрком Инвиком, который только что выскочил из машины. У него в руках была папка с новыми документами детей Лебедевых. Там, в Швеции, подсуетились, и смогли выслать документы уже сейчас. Вот и хорошо, детей уже можно будет отправлять. Теперь Бьёрк торопился в кабинет Гусича. Он обошёл стороной четверых угрюмых парней – подростков из детдома, которые направлялись к воротам, засунув руки в карманы, и быстро направился к админкорпусу. На парней он больше не оглянулся. А двое из четверых «парней» – девушка и женщина – только посмотрели ему вслед, усмехнулись, и повели детей дальше. Они вышли на улицу и молча пошли по ней куда-то. За ними выглянула Марина, дождалась, пока они удалятся на безопасное расстояние, и отправилась за ними.

Гусич сидел у себя в кабинете и думал про Плесковых. Странно, как он мог забыть про таких солидных клиентов? У него такое ощущение, будто он только позавчера с ними познакомился.

И, вдруг, вошёл Бьёрк Инвик со своей переводчицей, поздоровался, и положил на стол папку с документами.

– Детти, – сказал он, – Лебедефс.

И ещё что-то добавил.

– Документы для детей Лебедевых, – сказала переводчица, – Детей отправляем немедленно.

Гусич заглянул в папку. Томас и Эдда. Гусич закрыл папку, и сообщил, что детей уже усыновили, увы.

Не стоит описывать грандиозный скандал, который разразился в кабинете директора. Сначала Бьёрк ругался с Гусичем, потом ругался с переводчицей, за то, что она плохо переводит его нецензурную брань, и требовал, что бы она доходчиво перевела все его угрозы. Но Гусича это не страшило. Он знал, что с должности его не уберут, потому что на вышестоящее начальство у него был неслабый компромат: Гусич несколько раз «угощал» их детдомовскими старшеклассницами, из тех, что сами не прочь залезть в чьи-то штаны. При необходимости, это всегда можно доказать.

Бьёрк ушёл, хлопнув дверью. Ничего страшного, но пренеприятный осадок остался. Ладно, это пройдёт. Зато он провернул чисто своё дело, без участия всяких бьёрков. Гусич выдвинул ящик стола, чтобы полюбоваться результатом и успокоить себя. Сверху лежала пластиковая папка-конверт с документами Плесковых. Это гарантия законности акта усыновления. Он открыл папку. Что это? Внутри лежало несколько сложенных газет. А где документы? Здесь были справки о жилплощади, о доходах, о судимостях, и состоянии здоровья, психиатрические сертификаты, и прочее другое. Гусич порылся в ящике и ничего этого не нашёл. Странно! Как сюда попали старые газеты, и куда делись документы?

Озадаченный Гусич открыл стеной шкаф и запустил руку в карман висящего там пиджака. Вот две пачки денег. Он вытащил их. В своих руках он увидел перетянутые бечёвкой резанные газетные листы. Гусич больно глотнул исчезающий, почему-то, воздух, и начал тщательно перелистывать резаную газету. Он разорвал бечёвку на обеих пачках, но не обнаружил там ни одной настоящей купюры! Это была даже не «кукла», куда вкладываются, для вида, несколько настоящих денежек, а самая натуральная... – в голове были только короткие слова. Как он так мог!? Как его так смогли!? Где эти Плесковы!? Немедленно поднять их данные! И, вдруг, Гусича совершенно прояснило: он никогда не слышал ничего ни о каких Плесковых, он действительно знает их всего несколько дней! Никогда раньше, никогда, они здесь не появлялись!

Гусич вспотел, как гусь в духовке, истекающий соком. Он вышел из кабинета, утираясь платком, и сказал секретарше:

– Мне все данные на усыновителей Плесковых! Быстро!

Через пять минут растерянная секретарша доложила, что никаких данных о Плесковых в архивах и базах нет, и никогда не было.

Гусич вызвал к себе всех, кто занимался детьми Лебедевых, и других ответственных лиц. Половина из них уже познакомились с Плесковыми, но... только пару дней назад. До того никаких Плесковых не существовало.

Гусич не помнил, как все ушли, и он остался один в своём кабинете, в глухой прострации. Он влип – детей похитили. Через несколько дней проверочная комиссия должна будет наведаться к Плесковым по указанному адресу проживания, а никакого такого адреса-то и нет! И самих Плесковых нет! Он звонил в справочную – нет таких. С него спросят, кому он отдал детей. Где дети!? Это же подсудное дело!

А по всему кабинету были разбросаны нарезанные газетные листы из пачек «денег».

Глава 7 Служители древних Богов

Загадочные люди – девушка и женщина – вели Севу и Людмилку дальше, по улице.

– Мы скоро придём. Ещё немного осталось, – говорили они, успокаивая детей.

Детский дом находился на городской окраине, улица Бажова, и в конце улицы начиналось предлесье. Дальше, за редкими деревьями уже виднелся полумрак густой чащи. За спиной остался последний уличный забор, они сошли с дороги и вошли в кустарник. Пройдя ещё немного, они остановились. Женщина негромко свистнула, и в кустах, со стороны леса, послышался шорох. Что-то большое двигалось с той стороны. Вдруг, над кустами показались две лошадиные головы, а потом кусты раздвинулись, и на полянку, где стояли люди, вышли два вороных коня под сёдлами. Они обрадовано фыркнули и повернули свои морды каждый к своей хозяйке. Сразу стало видно, кто чей.

– Ну, теперь познакомимся, – сказала женщина.

– Это Яркий, а это Месяц, – девушка представила детям коней, и засмеялась: – Коней представили, а сами нет! Моё имя Лада.

– А моё имя Рита, – представилась женщина.

– Это моя мама, – сказала Лада.

При слове «мама» дети загрустили, и опустили головы.

– Всё будет хорошо, ребятки, – сказала Рита, – Сейчас мы все сядем на наших коней и поедем в одно место, где вас не найдут. Сейчас самое главное, чтобы вас не нашли. И с вашими родителями всё будет в порядке. Вы ещё увидите их.

– Но сейчас вам надо спрятаться, – добавила Лада.

Дети согласно кивнули.

Лада легко подняла Людмилку, и посадила её в седло, на спину своего Яркого. Рита так же посадила Севу на Месяца. Затем мама и дочка легко вскочили в сёдла, за спины детей.

– Держитесь вот так, за луку, – сказали они им, – Не бойтесь, если что, упирайтесь спиной, мы сзади.

И кони тронулись с места. Пошли они, естественно, вглубь леса. И сразу ветки сомкнулись над головой и мгновенно пропали слабые звуки города – словно они уже давно ехали по лесной дальней дали.

Сначала кони шли медленно, потом прибавили шаг, когда дети уже приспособились держаться в седле. Никакой тропы в лесу не было, кони быстро бежали между деревьями, просто придерживаясь определённого направления. Навстречу быстро двигались низкие ветки и еловые лапы, под которыми приходилось пригибаться. Иногда проезжали небольшие поляны, а иногда заезжали в гущу, через которую шли медленным шагом, отгибая ветки деревьев руками.

Ехали уже достаточно долго, около часа, и Рита с Ладой спросили у детей, не утомились ли они в седле и не желают ли чего? Детям ничего не хотелось, но коней всё же остановили, чтобы дать детям попить воды. А потом поехали дальше, ещё быстрее. Лес летел навстречу, а под копытами коней хрустела опавшая хвоя, шишки и мелкие камешки. На спинах скачущих коней дети чувствовали себя словно на ладонях огромного великана, который несёт их через лес, держа перед собой. Душистый лесной воздух оведал всадников. Вдруг, перед ними показался ручей, в один шаг шириной, который петлял между деревьями. Здесь остановились и спешились. Присев на поваленное дерево, перекусили вкусными сладкими блинчиками, и запили квасом из фляги. Коня принялись пить воду из ручья.

– Не утомились ли? – спросила Рита, – Едем уже долго, и ещё ехать придётся, хотя и меньше прежнего.

– Нет, – сказал Сева, и Людмилка тоже покачала головой.

– А куда мы едем? – спросила девочка.

– В наш лесной дом, – сказала Лада.

– Разве в лесу бывают дома? – удивилась Людмила. В её представлении лесные дома могли быть только в сказках.

– Почему бы и нет? – ответила Лада, – Разве плохо жить в лесу.

– Не знаю. В лесу хорошо гулять.

– В лесу всё хорошо, – уверено сказала Лада, – вот увидишь.

Немного отдохнув, снова сели на коней, и поехали дальше, вдоль ручья. Так ехали долго, пока ручей не вывел их на маленькую поляну. Пересекая поляну, ручей убежал дальше, но дальше не поехали, а остановились здесь.

– Приехали, – сказала Рита.

Всадницы слезли с коней и сняли детей. Только теперь дети увидели обещанный лесной домик. Оказалось, они сейчас выезжали на поляну прямо мимо него, но с обратной стороны его совершенно нельзя было заметить. Избушка из брёвен смотрела на поляну входной дверью, почти вся прячась под густыми еловыми лапами. К двери поднималась крутая лесенка, потому что сама избушка стояла на четырёх неотёсанных столбах, высотой в рост человека. Видимо, поэтому её не удалось сразу увидеть, подъезжая с обратной стороны: её просто не было на земле – она как бы висела между нижними ветками. Крыша у избушки была двускатная, острроверхая, и под ней имелось маленькое окошко; такое же окошко было и возле двери.

Лада первой взбежала по лесенке и открыла незапертую дверь, приглашая детей войти. Сева и Людмила друг за дружкой поднялись вверх и вошли в избу. За ними следом вошла и Рита.

Дети оказались внутри уютного помещения, с маленькой каменной печкой у стены, напротив двери. По обеим сторонам от печки стояли две лежанки, занимая место до стен. Справа, у окошка с занавесочкой, стоял деревянный столик и четыре табуретки. Слева стоял большой сундук, тоже деревянный, оббитый железом по углам. И в этой стене тоже было окошко с занавесочкой. Здесь же слева, у стенки, поднималась лестница под крышу, а под лестницей стояли две бочки – большая и маленькая. Справа от двери стоял низкий шкафчик с двумя дверками, над которым висело маленькое круглое зеркало. По стенам избы были развешаны пучки всевозможных сушёных трав, от которых здесь стоял блаженный аромат. Под потолком висела керосиновая лампа – на цепочке, и лампа электрическая – на проводе.

– Ну-ка, Ладушка, умой ребятишек живой водичкой, – распорядилась Рита, – а я на стол соберу.

– Хорошо, мама!

Лада подвела Севу и Людмилку к маленькой бочке, в которой темнела чистая вода, выдвинула откуда-то кадушку, и достала плошку. Ею она зачерпнула воду и поливала детям над кадушкой, помогая умываться. Удивительно, но ребята сразу почувствовали облегчение, после напряжённого сидения в седле, и свежесть на лице, словно они просто гуляли полдня, а не ехали долго по лесу. Усталость покинула их тела, и легче стало в голове. Они вытерлись льняным полотенцем.

А Рита уже разожгла печку, на которой стоял серый чугунный котелок, и добавила к нему пузатый закопчённый чайник. Она достала из шкафчика всякую нехитрую снедь и разложила её на столе. Это были пирожки и бублики, ржаные лепёшки. Потом она достала самый настоящий глиняный кувшин с кислым молоком, а Лада поставила на стол тарелки и чашки. Содержимое котелка нагрелось, и это оказалась гречневая каша с приправами. Её разложили по тарелкам и все уселись за стол. Тогда Рита встала и произнесла:

– Род-Породитель, благослови сию пищу, что бы она пошла на пользу нам, – и Рита сделала правой рукой некий жест над едой, напоминающий зигзаг молнии.

Тогда Лада сказала:

– Слава Богам и Предкам нашим!

Она встала, взяла пирожок и ражаную лепёшку, и с ними подошла к шкафчику с зеркалом, и на него возложила пирожок и лепёшку. Только теперь дети увидели на шкафчике ряд деревянных фигурок, изображающих людей: бородатые – мужчины, и круглолицые, большеглазые – женщины.

Лада вернулась за стол.

– Кушайте, детки, – ласково сказала Рита.

Сева и Людмила никогда не думали, что гречка может быть такой вкусной. Вкусным было всё – и пирожки с грибами, и ржаные лепёшки и кислое молоко. А тем временем закипел чайник, и мама с дочкой стали готовить чаепитие.

Дети с интересом смотрели на деревянные фигурки, которым Лада отнесла угощение.

– Это Боги наши, – пояснила Рита с любовью в голосе, – Вот этот, с большой бородой – самый главный – Род! А это Богини наши. Вот Матушка Яга, которой мы служим, деткам помогая. А это Жива – душ наших хранительница, а это Леля – она и Жива, Сварога и Лады-Богородицы дочки. Это Дана – воды покровительница, живой и мёртвой. А это Марена Свароговна – покровительница зимы, и Веста – покровительница весны. А это Бог Коляда, а это Бог Хорс.

– Так это не игрушки? – вдруг поняла Людмила.

– Нет, – ответила Рита, – не игрушки, это память наших великих предков. Мы уважаем их и любим, как вы любите своих маму и папу, и, в знак уважения, мы делимся с ними тем, что имеем сами. Так мы показываем им, что не терпим нужды, благодаря их помощи. То, что мы подносим им, называется треба.

– Так они это съедят? – спросила Людмила, и во все глаза уставилась на фигурки, ожидая, что они сейчас начнут есть лепёшки.

– Нет, конечно, – ответила Рита, – это куммиры, образа Богов и Богинь. Сами они на небе и вокруг нас, проявляют себя в своих творениях и деяниях в окружающем мире. Им нужна не еда сама по себе, а наше отношение. Вы когда-нибудь дарили подарки своим Богам?

– У нас нет богов, – удивлённо ответил Сева.

– Ну, а ваша мама, например?

– Да, мама... Маме мы дарили подарки.

– На 8-е марта и на Новый год! – сказала Людмила.

– Вот это и есть ваша Богиня, – пояснила Рита, – Богиня вашего рода. Что вы ей могли подарить? Рисунок? Поделку?

Дети согласно кивнули.

– Ваши подарки – это ваше отношение к ней, выражение любви. Вы ведь хотели показать ей, какими вы стали – как вы научились рисовать, или шить, или ещё что-то делать, что бы она поняла, что это её заслуга. Ей, как Богине, именно это важно, а не сама вещь. Так и мы все выражаем свою любовь к нашим Богам – нашим очень древним родителям.

– Наша мама – Богиня! – сказали дети, глянув друг на друга.

– Ребятки, расскажите, как можно связаться с вашей мамой, – попросила Рита, – мы ей весточку передадим, чтобы не волновалась. Только хорошо бы через кого-то надёжного. Звонить ей нельзя, её подслушивать могут, и тогда нас всех найдут.

– А если позвонить Василисе? – предложил Сева.

– А это кто?

– Это тётя наша, мамина сестра.

– Номер знаешь?

– Не помню.

– Как же звонить?

– Эх...

– А где её можно найти? Она работает или учится?

– Работает, в аптеке.

– Уже лучше. А где аптека?

– На улице Ермака.

– Вот теперь хорошо, там должен быть рабочий телефон, узнать его будет не сложно. Она каждый день на работе?

– На этой неделе у неё должна быть вечерняя смена.

– Ещё лучше, – обрадовано сказала Рита, – Мы свяжемся с Василисой, и передадим маме, что с вами всё в порядке.

В это время в избушку вошёл большой, пушистый, серый в полоску кот, и громко замурлыкал, сев посреди избы.

– А, Кузя пришёл! – сказала Лада, – сейчас мы его угостим.

И она налила ему в миску возле двери молока из кувшина. Кот пристроился у миски и принялся лакать молоко. Напившись, он направился к лежанке, заскочил на неё, и начал уютно там устраиваться. Дети сразу оказались возле кота и принялись его гладить. Кот снова начал громко мурлыкать, подставляя голову и выгибая спинку. Он по очереди садился на колени то к Севе, то к Людмилке. Они уже взобрались на лежанку, и кот уютно устроился между ними. Под равномерное мурлыканье, дети не заметили, как уснули вместе с котом.

Когда стемнело, перед фигурками Богов зажгли свечку в подсвечнике и накрыли стеклянной колбой от керосинки – это детям, как ночник.

Лада устроилась спать, постелив себе на широком сундуке. А Рита достала мобильный телефон, вставила в него сим-карту, потом батарею, и вышла из избушки.

Марина проследила детей с девушками до самого леса. Когда они скрылись в кустарнике, она, конечно, потеряла их из виду. Марина осторожно вошла в кусты и стала прислушиваться. Она услышала что-то похожее на громкое дыхание вдалеке, и двинулась в сторону этого звука. Она не ошиблась с направлением – вскоре там послышался топот, и она увидела двоих вороных коней, уходящих вглубь леса. На конях сидели обе девушки и дети с ними. И что теперь делать? Надо бежать за ними, может быть, они недалеко собрались.

Никогда и никто, ни на одних состязаниях, не мчался так вдохновенно и целеустремлённо. Её целью были две детские жизни, исчезающие из мира по злой воле, и никто, кроме неё, сейчас не сбережёт ту ниточку, по которой они ещё смогут вернуться обратно.

Некоторое время она ещё видела уходящих всадников, и шла лесом за ними; потом ей уже только казалось, что она видит их. А потом она поняла, что потеряла их, и заблудилась сама.

Когда её сердце немного успокоилось, она услышала вокруг себя только тишину, да редкие голоса птиц. Какой огромный и глубокий лес! Она не думала, что здесь рядом такой большой лес – он ей всегда представлялся как лесопосадка у города, и ему есть конец где-то поблизости. А теперь она даже не могла придумать, куда идти, чтобы вернуться. Она прошла ещё немного, и поняла, что заблудилась надёжно. Марина хорошо помнила путь, по которому она бежала, во всяком случае, ей так казалось. Но, оглянувшись, она сильно засомневалась, что сможет пройти этот путь в обратном порядке. Тогда она достала телефон, и позвонила Диме. Слава богу, здесь была связь!

– Дима! Дима, детей увели в лес! Я тебе сейчас всё расскажу!

Марина очень хотела поскорее выбраться отсюда, поэтому она всё рассказала с настоящей мужской краткостью.

– Так, Марина, – ответил Дима, – я тебя сейчас высмотрю по навигатору. Надеюсь, в твоём телефоне включено разрешение на отслеживание твоего местоположения. Загляни в настройки.

– Хорошо, Дим!

Он перезвонил минуты через три.

– Марина, навигатор видит тебя. Как ты забралась в такую даль? Марина, ты можешь разобраться, где север, где юг?

– Дима, я скоро не смогу понять, где верх, где низ!

– Спокойно, Марин! Я тебя выведу оттуда! Начни двигаться назад, и я увижу, куда ты идёшь.

– А куда назад? Я не знаю!

– Иди, куда ты думаешь, назад. А я тебя поправлю.

Марина пошла туда, откуда она вроде как прибежала.

Через несколько минут Дима сообщил:

– Ты идёшь немного не туда. То есть совсем не туда, но к дороге ближе. Тебе надо выйти на дорогу. Возьми левее градусов на тридцать. Ну, это как на часах назад минут на пять, и ты будешь идти к дороге по прямой. А я сейчас Андрея подниму, и мы тебя с дороги машиной заберём.

Марина сменила курс.

– Молодец, правильно идёшь, – сообщил Дима, – тебе ещё километров семь до автотрассы.

Потом Дима ещё раз поправлял направление движения Марины, и, примерно через два часа пути, она заметила впереди просветление.

– Дима, я вышла!

– Я вижу! Умница! Стой там, у дороги, мы за тобой выезжаем.

Марина выбралась из придорожных кустов и, с радостью, увидела пустынную автотрассу. Она стала у дороги. Ей хотелось присесть от усталости, но сидеть было негде, и она начала просто прохаживалась по краю асфальта. Иногда проезжали одинокие машины, и Марина поняла, что лучше отойти на траву, а то и задеть могут.

Вдруг, одна машина затормозила напротив неё, на другой стороне дороги. Это был бордовый «Мерседес 200». Стёкла опустились и из Мерседеса выглянули две матёрые щетинистые физиономии.

– Эй, красотуля, – гнусаво позвал водитель, – садись на заднее.

– Что? – испуганно спросила Марина, – Мне ничего не надо.

– Как не надо!? – весело воскликнул пассажир на заднем сидении, – мы знаем, куда тебе надо, тебе надо туда-а-а! Потому что другого направления здесь нет! Ха-ха-ха!

– Меня заберут и отвезут, – ответила Марина, – я жду.

– Ну и они подождут, – обычно сказал водитель, – потом сюда и привезём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.